

R1017.552
30

Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ, ве-
денныхъ въ сотрудничествѣ съ И. А. Джавахо-
вымъ, и въ Иерусалимѣ, въ поѣздку 1902 г.
(апрѣль—ноябрь) ¹.

Поѣздка наша длилась семь съ половиной мѣсяцевъ.
Болѣе половины этого времени путешествовали и работали
мы то втроемъ, то вдвоемъ. Естественно, были разнообразныя
случаи, когда мы пользовались услугами другихъ. Кромѣ
учрежденій и лицъ, имена которыхъ, тѣсно связанныя съ
взятой нами на себя задачею, упомянуты въ отчетѣ, при-
шлося безпоконить Императорское русское посольство въ Кон-
стантинополь, консульства въ] Каирѣ, Бейрутѣ, Яффѣ, Трие-
стѣ и главнымъ образомъ въ Иерусалимѣ, членовъ право-
славной и армянской патриархій въ Св. градѣ, служащихъ
русскаго дома тамъ же, особенно же управляющаго рус-
скими подворьями г. Михайлова, и многихъ другихъ. Не
могу не помянуть добрымъ словомъ ихъ всегда отзывчиваго
отношенія. Всѣмъ имъ глубокое спасибо.

I.

Путешествіе на Синай и въ Иерусалимъ для ознакомленія
съ содержаніемъ сохранившихся тамъ грузинскихъ и армян-
скихъ рукописей было давнишнею моею мечтою. Послѣ же
работъ въ Иверскомъ монастырѣ, на Аѳопѣ, въ 1897 году,

¹ Отчетъ читанъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Императорскаго
Русскаго Археологическаго общества 27 февраля 1903 г.

Изъ Сообщ. Импер. Прав. Палест. общ. т. XIV, ч. II (1903 г.).

для меня выяснилась необходимость путешествія на болѣе дальній христіанскій востокъ. Къ вопросу о культурныхъ общеніяхъ христіанскихъ народовъ передней Азіи съ Аеономъ были мною вывезены памятники древнѣйшей поры грузинской и армянской литературъ, свидѣтели совмѣстной еще церковной жизни армянъ и грузинъ. Надежды пополнить ихъ, особенно агиографическіе матеріалы, въ Эчмиадзинѣ и Тифлисѣ въ 1899 г. оправдались въ слабой степени, быть можетъ, по отсутствію удовлетворительныхъ каталоговъ двухъ богатыхъ грузинскихъ собраній въ Тифлисѣ, Общества распространенія грамотности и Церковнаго музея.

Для меня стало ясно, что нельзя издавать аеонокскихъ матеріаловъ, не порывшись въ синайской и іерусалимской бібліотекахъ за новыми данными для пополненія, а особенно правильнаго освѣщенія собранныхъ въ Иверѣ текстовъ. На Синай, кромѣ того, меня сильно манила древнѣйшая датированная грузинская рукопись 864 года. До ея обследованія я находилъ неправильнымъ обнародованіе грамматики древнегрузинскаго языка сравнительно съ семитическими. Были, конечно, другіе еще вопросы, торопившіе въ Іерусалимъ и на Синай.

Обстоятельства сложились благопріятно. Въ минувшемъ уже году оказалось возможнымъ предпринять поѣздку съ тѣмъ неожиданнымъ удобствомъ, что трудности ея были раздѣлены еще двумя товарищами, византинистомъ А. А. Васильевымъ и ближайшимъ молодымъ сотрудникомъ моимъ по специальности И. А. Джаваховымъ.

Этимъ мы прежде всего обязаны не разъ испытанному сочувствію барона В. Р. Розена. Считаю долгомъ выразить отъ имени товарищей и сугубо отъ себя, за частыя хлопоты лично за меня по этой поѣздкѣ, искреннюю признательность глубокоуважаемому предѣдателю Восточнаго отдѣленія, Факультеты Восточный и Филологическій Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Императорское Православное Палестинское общество и Восточное отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго общества щедро обезпечили научное предпріятіе, и члены экспедиціи съ удовольствіемъ свидѣтельствуютъ чувства чрезвычайной благодарности просвѣщеннымъ виновникамъ ея матеріальнаго осуществленія. Такимъ образомъ поѣздка обратилась на видъ

сразу въ экспедицію. Но въ началѣ каждый изъ насъ вѣхалъ съ своей специальной задачей. Не было общей программы занятій даже для двухъ представителей одной и той же специальности, меня и Ив. Ал. Джавахова. Ив. Ал. Джаваховъ думалъ прежде всего практиковаться въ чтеніи рукописей. О специальной задачѣ Ал. Ал. Васильева—изслѣдованіи *Исторіи* Агапія Мембиджскаго—въ заинтересованныхъ кругахъ извѣстно по обстоятельному докладу, сдѣланному самимъ изслѣдователемъ въ Восточномъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Археологическаго общества. Я только прибавлю—и это, надѣюсь, не будетъ принято уважаемымъ коллегой за нескромность—что рядомъ съ текстомъ арабскаго историка въ его дорожной сумкѣ былъ уложенъ на Синаѣ плотный рядъ листовъ съ выписками, справками и замѣтками по многочисленнымъ рукописямъ арабскимъ и особенно греческимъ.

Съ разными задачами, но съ одною мыслью прежде всего попасть на Синай собрались мы въ путь. Не могу пройти молчаніемъ, безъ словъ сердечной благодарности, двухъ услугъ, оказанныхъ нашей экспедиціи добрыми знакомыми: Я. И. Смирновъ, хорошо зная насущныя потребности дальнихъ научныхъ предпріятій, любезно предложилъ фотографическій аппаратъ, безъ помощи котораго наши матеріалы были бы значительно обезцѣнены и болѣе слабы, а накануне выѣзда изъ Петербурга трогательно внимательный къ здоровью членовъ экспедиціи Я. Х. Завріевъ прислалъ три большихъ ящика медикаментовъ съ подробнымъ, весьма полезнымъ въ такихъ путешествіяхъ подборомъ составленій. 3 апрѣля прошлаго года экспедиція выѣхала. Я лично, сознаюсь, чувствовалъ себя въ весьма удрученномъ настроеніи до дня, когда открыли намъ двери бібліотеки монастыря св. Екатерины. Было опасеніе, какъ потомъ убѣдился, преувеличенное, что на Синаѣ намъ не дадутъ возможности работать въ бібліотекѣ безъ стѣсненія. Конечно, у насъ была официальная рекомендація съ мѣста. Независимо отъ нея, въ Константинополь экспедиція встрѣтила внимательное отношеніе со стороны посольства, и она, не теряя времени, могла продолжать путь въ Египетъ, запасшись новыми рекомендаціями и письмами.

На свѣтлой недѣлѣ мы были въ Каирѣ. Съ обычной дѣловитостью и лѣбезностью, которая я испыталъ еще во время

поѣздки на Афонъ, А. Ф. Шебунинъ, недавній нашъ консулъ въ Каиръ, на второй же день устроилъ все, что нужно было устроить официально. Въ его гостепріимной семьѣ мы запаслись совѣтами и предметами, оказавшими намъ прекрасную услугу и въ пути по пустынѣ, и на самомъ Синаѣ. Мы выѣхали изъ Каира съ благословеніемъ преосвященнаго Порфирія, архіепископа Синайскаго монастыря, и письмомъ его къ монастырской братіи. Въ письмѣ предписывалось стоящимъ во главѣ обители оказывать тремъ русскимъ ученымъ всевозможное содѣйствіе, предоставлять имъ въ свободное пользованіе рукописи библіотеки по двѣ заразъ каждому, во вниманіе „къ ихъ благороднѣйшей цѣли“. Мы потомъ часто вспоминали съ признательностью оговорку преосвященнаго Порфирія о „двухъ рукописяхъ каждому заразъ“.

Были, конечно, трудныя минуты на Синаѣ, но онѣ были бы значительно болѣе тяжелыми, быть можетъ, невыносимыми, если бы мы не пользовались замѣчательной услужливостью нашего вице-консула въ Суэцѣ, Н. В. Косты.

Работы на Синаѣ были ведены три мѣсяца. Раньше, приблизительно за три недѣли, успѣлъ ихъ закончить Ал. Ал. Васильевъ и уѣхалъ. 1 августа двинулись съ Синая на верблюдахъ и мы съ Ив. Ал. Джаваховымъ. Въ Суэцѣ насъ встрѣтила вѣсть, что противъ Египта карантинъ, и сообщеніе съ Палестиной возможно только на пароходахъ одной компаніи Хедивіе, кружною линіею, съ 12-дневнымъ карантинномъ въ Бейрутѣ. На меня напалъ страхъ передъ дезинфекціею пластинокъ и рукописей. Поѣхали мы въ Александрію въ надеждѣ на совѣтъ и помощь нашего консула г. Иванова, члена международной санитарной комиссіи. Къ сожалѣнію, надежды наши оказались напрасны. Къ счастью, Ив. Ал. Джаваховъ удачно поспѣлъ къ отходу русскаго парохода, на которомъ и уѣхалъ домой, я же принужденъ былъ остаться въ Египтѣ. Осложненіе маршрута, карантинъ и необходимость ждать 11 дней единственнаго парохода на Яффу, совершавшаго рейсъ разъ въ двѣ недѣли, совершенно разстроили мои планы, но я все же хотѣлъ во что бы то ни стало попасть въ Іерусалимъ и тогда мечталъ даже заѣхать на Афонъ. Былъ трудный моментъ въ совершенно чужомъ городѣ, съ замиравшею чумою и возраставшею холерою, но онъ благополучно миновалъ, чѣмъ я былъ

обязанъ случайному знакомству съ любезнѣйшимъ М. А. Герценштейномъ, питомцемъ Петербургскаго университета. А затѣмъ я получилъ возможность продолжать путь въ Іерусалимъ, благодаря быстрой и щедрой помощи Императорскаго Русскаго Палестинскаго общества, немедленно пересланной глубокоуважаемымъ В. Н. Хитрово, увѣренность въ сочувствіи котораго къ нашему дѣлу и внушала мнѣ рѣшимость вести его до конца. Въ Іерусалимѣ предупредительность симпатичнаго о. Клеопы, бібліотекаря православной патріархіи, была безгранична. Это скромный труженикъ, искренне увлеченный задачами мѣстной христіанской археологіи, открывшій извѣстную Мадебскую мозаичную карту Палестины, авторъ нѣсколькихъ монографій, въ томъ числѣ описанія арабскихъ рукописей патріаршей бібліотеки, съ цѣлымъ рядомъ научныхъ начинаній въ рукахъ и съ неисчерпаемымъ запасомъ готовности служить посѣтителямъ вѣреннаго ему книгохранилища. Гостепріимно были открыты и двери армянской патріаршей бібліотеки въ монастырѣ св. Іакова, причемъ ученый хранитель ея, преосвященный Саакъ Хабаянцъ, любезно предоставилъ въ мое пользованіе готовую часть составляемаго имъ подробнаго каталога.

Возвращеніе изъ Св. града также было сопряжено съ препятствіями, но уже не касавшимися занятій. Напротивъ, они дали невольный досугъ для продолженія работы въ греческой патріаршей бібліотекѣ.

Поѣздка моя продолжалась съ 3 апрѣля по 14 ноября, но изъ этого времени я могъ работать только четыре съ небольшимъ мѣсяца. Остальное время ушло на путешествіе, высиживание въ карантинахъ и ожиданіе рѣдкихъ рейсовъ.

Достаточно сказать, что, чтобы попасть изъ Александріи въ Іерусалимъ, нужно было потратить одинъ мѣсяцъ вмѣсто обычныхъ 2—3 сутокъ.

Въ предлагаемомъ отчетѣ синайскія и іерусалимскія работы размѣщены въ рамкахъ исторіи армянской и грузинской литературы, рѣзче выяснившихся въ значительной степени благодаря матеріаламъ, добытымъ въ эту поѣздку. О многихъ памятникахъ приходится лишь вскользь упоминать, или вовсе молчать. Кое-что опускаю и существенное, такъ напр. выясненіе значенія собранныхъ матеріаловъ для грузинской грамматики и палеографіи. Сотни двѣ палеографи-

ческихъ снимковъ дополняютъ и наглядно иллюстрируютъ новыя данныя по вопросу¹. Много даетъ въ этомъ смѣлѣ законченное описаніе всей грузинской коллекціи Синайскаго монастыря, подробное, со многими извлеченіями и выписками. Этотъ трудъ выполненъ совмѣстно съ Ив. Ал. Джаваховымъ по выяснившейся на Синаѣ общей программѣ занятій. Необходимость описанія рукописей стала ощущаться съ перваго же момента занятій на Синаѣ, такъ какъ существующій каталогъ проф. Цагарели оказался составленнымъ слишкомъ поверхностно, при томъ съ номерами, не соответствующими библиотечнымъ.

II.

Имѣлось, конечно, въ виду просмотрѣть и сирійскія и арабскія рукописи въ интересахъ хотя бы лишь армяно-грузинской филологіи, но постепенно выяснилось, что извѣстные каталоги арабскихъ и сирійскихъ рукописей, первый Агнесы Льюисъ, второй Маргариты Джибсонъ, — ненадежные руководители. Еще Вардропъ и арменистъ Конибиръ, авторы *Life of St. Nino* (Oxford 1900), указывали (стр. 33 и 80), что на Синаѣ въ одной рукописи имѣется арабская версія *Книги о Нимвродѣ*, цитуемой въ грузинскихъ сочиненіяхъ. Въ *Каталогѣ* Маргариты Джибсонъ, дѣйствительно, была помѣчена такая повѣсть (№ 456—1, ср. № 580—3), но на самомъ дѣлѣ оказалось, что это одна маленькая глава *Исторіи* Агапія Мембиджскаго. Ал. Ал. Васильевъ уже сообщилъ въ Восточномъ отдѣленіи, что повѣсть о возникновеніи идолопоклонства, стоящая въ *Каталогѣ* Маргариты Джибсонъ, какъ самостоятельная статья рукописи № 580, оказалась также одною изъ незначительныхъ главъ того же труда арабскаго историка. Я ожидалъ найти въ повѣсти какія-либо указанія на тотъ сирійско-арабскій источникъ, которымъ пользовался авторъ *Обращенія Грузіи* въ изображеніи древне-грузинскаго Пантеона (Н. Марръ, *Боги языческой Грузіи по древне-грузинскимъ источникамъ*, стр. 17 сл.). Я былъ разочарованъ и хотѣлъ утѣшиться на рукописи № 548, въ которой Маргарита Джибсонъ также называла особую статью подъ заглавіемъ *Повѣсть*,

¹ Всѣ матеріалы будутъ возможно скоро обнародованы въ особыхъ работахъ, большая часть которыхъ, особенно относящаяся къ Св. землѣ, появится въ изданіяхъ Императорскаго Палестинскаго общества.

показывающая причину, по которой появилось на землѣ идолопоклонство. Но здѣсь дѣло оказалось въ еще худшемъ положеніи. Не говоря о неграмотно списанномъ заглавіи, оно въ рукописи оказалось по существу инымъ, такъ какъ въ арабскомъ текстѣ заглавія рѣчь не о возникновеніи идолопоклонства вообще на землѣ, а объ его появленіи въ Египтѣ. Статья—теперь она списана мною—оказалась одной изъ трехъ главъ легендарной исторіи о пророкѣ Моисей, притомъ глава наименьшая, въ двѣ-три страницы. Почему почтенная Джибсонъ, не говоря ничего о дѣломъ произведеніи, называетъ эту вторую главу, самую незначительную, и умалчиваетъ о двухъ болѣе пространныхъ, первой и третьей, станеть понятно, если будемъ имѣть въ виду, что въ той же рукописи она насчитываетъ еще всего три статьи, всегда съ неточнымъ воспроизведеніемъ арабскихъ заглавій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ тридцать.

Въ рукописи № 417 Джибсонъ отмѣчаетъ двѣ статьи, тогда какъ мнимая первая статья есть лишь предисловіе или введеніе съ чрезвычайно любопытными данными, сообщаемыми самимъ авторомъ, о томъ участіи и интересѣ, которые проявлялъ къ его труду, побуждая его составить, императоръ Константинъ Багрянородный (المولود علی فر القرمزی). Трудъ самъ представляетъ полный *Синаксарій* Константина Багрянороднаго въ арабскомъ переводѣ. Рукопись списана въ Египтѣ, въ г. Даміетѣ, въ 1095 году. Авторъ пишетъ въ формѣ писема или обращенія къ самому Константину Багрянородному. Къ этому же императору обращается авторъ въ основномъ текстѣ памятника; такъ, къ концу разсказа о перенесеніи Нерукотвореннаго образа изъ Едессы въ Константинополь читается пожеланіе автора, чтобы икона оберегала и его царствованіе, въ такихъ словахъ: „дабы наслаждался ты, о багрянородный, твоимъ царствованіемъ“.

Знакомымъ съ работами Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества по вопросу о душеполезной исторіи Варлаама и Иоасафа будетъ понятно, что первую арабскую рукописью, взятою мною въ руки на Синаѣ, была *Повѣсть о Варлаамѣ и Иоасафѣ*. О фактѣ ея находженія было извѣстно до труда (1894) Маргариты Джибсонъ по русскому описанію Порфирія Успенскаго (стр. 342=20, № 198 и 350=28), появившемуся въ изданіи Академіи

Наукъ въ 1891 году съ латинскимъ заглавiемъ *Catalogus librorum manuscriptorum et impressorum monasterii S. Catherinae in monte Sinai* и использованному Kuhn'омъ въ его извѣстномъ изслѣдованiи о Варлаамѣ и Иоасафѣ (1893, стр. 51). Не бѣда, что Джибсонъ не успѣла познакомиться съ работами, прямо относящимися къ ея дѣлу. Бѣда въ томъ, что въ каталогѣ почтенной путешественницы, повидимому, нѣтъ и помина объ *Исторiи Варлаама и Иоасафа*. Только съ натяжкой можно было дѣлать догадку, что въ рукописи № 321 по *Каталогу* Маргариты Джибсонъ должна заключаться *Исторiя Варлаама и Иоасафа*. Догадка эта оправдалась, но заглавiе, данное ученой Джибсонъ, оказалось, какъ весьма часто, ея сочиненiемъ. Она выписываетъ арабское заглавiе такъ *خبر يوحنا الراهب من بلاد الهند* *Исторiя Иоанна монаха изъ Индiи*. На самомъ дѣлѣ на первомъ же листѣ рукописи пишеть писецъ, что именемъ Бога онъ начинаетъ списывать „эту душеполезную повѣсть, вывезенную изъ страны Эѳiопiи, называемой Индiей, въ священный городъ (Иерусалимъ), и рассказалъ ее монахъ Иоаннъ, великiй, славный, изъ братiи св. Саввы“..., какъ это читается и у Порфирiя.

Въ этой арабской версiи имѣемъ переводъ извѣстной греческой редакцiи *Исторiи Варлаама и Иоасафа*. Изъ арабскихъ рукописей на Синаѣ я болѣе всего занимался ею, читая сплошь и отмѣчая мѣста для выписокъ, но время не позволило ни списать ихъ, ни даже, какъ до послѣдняго дня все надѣялся, сфотографировать. Успѣлъ я сфотографировать лишь шесть страницъ, двѣ съ начала, двѣ съ конца, съ записью писца, и двѣ съ началомъ притчи о сѣятелѣ. Рукопись сравнительно древняя, XIII вѣка¹, и потому ея чтенiя могли бы представить подспорье для критики арабскаго, resp. греческаго текста; что же касается самой исторiи индiйской повѣсти, то для нея этотъ синайскiй списокъ, могу и сейчасъ утверждать, не даетъ никакихъ новыхъ свѣдѣнiй.

Въ надеждѣ найти такiя свѣдѣнiя, я обратился къ арабской рукописи (№ 555), которая, состоя изъ 177 листовъ, по *Каталогу* Маргариты Джибсонъ, должна была представить

¹ Древнѣйшiй извѣстный арабскiй списокъ по Zotenberg'y (*Notice sur le Evre de Barlaam et Joasaph*, стр. 81) — 1221 года.

одно произведеніе, озаглавленное такъ: „Сто главъ, которыя сочинилъ св. Іоаннъ, великій, прославленный монахъ, для монаховъ Индіи“. Въ рукописи, кромѣ этой статьи, оказался рядъ памятниковъ христіанской литературы, въ общемъ занимающихъ число страницъ въ три раза болѣе, чѣмъ выбранный М. Джибсонъ памятникъ, находящійся далеко не въ началѣ рукописи. Заглавіе самой облюбованной Маргаритою Джибсонъ статьи въ рукописи гласитъ: „Это—сто главъ, сочиненныхъ св. Іоанномъ, великимъ, прославленнымъ монахомъ, въ томъ числѣ (главы) для монаховъ Индіи сообразно съ тѣмъ, что они спрашивали“.

Кромѣ вступительнаго обращенія, въ памятникъ нѣтъ ничего, имѣющаго отношенія къ Индіи. Въ содержаніи его не находимъ сколько-нибудь важныхъ встрѣчъ съ темами душеполезной индійской повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, въ другихъ главахъ не находимъ даже такой маловажной встрѣчи, какъ замѣчаемая между первою главою и индійскою повѣстью общность темы о суетѣ мірскаго величія. Но тѣмъ не менѣе памятникъ не лишенъ значенія для одного вопроса касательно индійской *Исторіи Варлаама и Іоасафа*, именно вопроса о появленіи въ качествѣ автора ея монаха Іоанна. Какъ теперь узнаемъ изъ арабскаго памятника, „великій, прославленный монахъ Іоаннъ“ находился въ перепискѣ съ индійскими монахами, и онъ легко могъ сойти за авторитетный источникъ легендарной исторіи обращенія Индіи, т. е. индійской повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Для того же вопроса я заглянулъ въ арабскую рукопись (№ 407), въ которой, по описанію М. Джибсонъ, между прочимъ имѣется *قصه برلام* *Исторія Варлаама*. Арабское заглавіе каталога оказалось сочиненіемъ ея автора, хотя въ этой рукописи, дѣйствительно, имѣемъ житіе подвижника Варлаама, но Варлаама Сиро-Кавказскаго, чествуемаго 19 іюля. Въ запискахъ Восточнаго отдѣленія было издано мною пространное грузинское житіе этого святого по одной аѳонской рукописи (*Агіографическіе матеріалы по грузинскимъ рукописямъ Ивера*, II, стр. 109—138). На основаніи календарнаго сообщенія мелькитской рукописи берлинской королевской бібліотеки въ предисловіи изданія (стр. 105—106) была указана возможность существованія полнаго житія названнаго святого на арабскомъ языкѣ. Это полное житіе на

арабскомъ и оказалось въ упомянутой синайской рукописи. Недочеты въ описаніи самой рукописи М. Джибсонъ допустила обычные. Она не опредѣляетъ памятника, лежащаго въ рукописи, именно *Четы-Минеи*, переведенной съ греческаго за іюль (تموز) мѣсяць, со второго по двадцать пятое число. Она не даетъ полнаго перечня статей и извращаетъ ихъ порядокъ. Кромѣ того, она невѣрно передаетъ заглавія отдѣльныхъ сочиненій; такъ, „Мученичество великомученика Прокопія“ обращено въ „Исторію св. Варухія“, мученики Патермуѳіи и *Копрій* сведены къ Патермуѳію и *монахамъ*, приводимаго ёю „Мученичества Аѳанасія и *Теодота*“ нѣтъ въ рукописи, а есть двѣ статьи: одна, 11 статья, — „Мученичество великомученика Аѳанасія“, а другая, черезъ восемь другихъ статей, — „Мученичество *мученицы Теодотіи и ея сыновей*“ и т. д.

Но опускаю подобныя мелкія искаженія, обычныя въ этомъ извѣстномъ каталогѣ, гдѣ напр. еще въ рп. № 508 арабское заглавіе одной статьи М. Джибсонъ выписываетъ *من قول اضطاسيوس* Изъ слова *Идматасія*, на греческой она переводитъ Λόγος *Θαυμασιου*, Слово *Θαυμαсіа*, а на дѣлѣ вмѣсто этого, дѣйствительно, удивительнаго автора, въ рукописи читается имя Анастасіи. Заглавіе статьи гласитъ: „Изъ слова Анастасія, настоятеля Синайской горы... о Преображеніи Господа нашего на горѣ *Θαворѣ*“.

Для характеристики манеры работать М. Джибсонъ достаточно, думаю, случая съ № 623. Эта рукопись также помѣчена въ числѣ арабскихъ съ греческимъ опредѣленіемъ — βιβλίον ιστοριῶν. Уважаемый коллега Ал. Ал. Васильевъ потребовалъ ее въ полной надеждѣ найти въ ней какой-либо арабскій памятникъ, быть можетъ, съ историческими разказами, но тутъ выяснилось, что рукопись не арабская, а персидская, и содержитъ она поэзію: *Гулистанъ Саадія*, полностью въ восьми главахъ. Она мною также описана.

Сирийскихъ рукописей пришлось описать меньше. Быть можетъ, каталогъ ихъ составленъ Agnes Smith Lewis болѣе, внимательно, но несмотря на дополненія Stenning'a, и въ немъ не все благополучно. П. А. Джаваховъ описалъ двѣ сирийскія рукописи. Изъ нихъ одна, № 56, въ печатномъ англій-

скомъ каталогѣ описана сравнительно правильно, хотя и съ пропускомъ подробностей; въ другой, № 33, по *Katalog* должны быть короткіе отрывки изъ св. Писанія съ сопровождающими ихъ схоліями, а на самомъ дѣлѣ оказались 22 слова Исаи Скитскаго, какъ въ общемъ указалъ и Stenning. П. А. Джаваховъ списалъ два поученія Исаи къ монахамъ. Поводомъ невѣрнаго опредѣленія послужило, повидимому, присутствіе толкованія Евангелія въ одномъ изъ словъ Исаи. Я описать сирійскую рукопись № 10. Изданіе извлеченій въ англійскомъ каталогѣ оказалось не безъ искаженія нѣкоторыхъ чтеній. Въ описаніи оказались пропуски; такъ напр. не отмѣчено, что въ рукописи имѣются анонимная *Хроника*, заключающая, между прочимъ, интересныя біографическія свѣдѣнія объ извѣстномъ сирійскомъ писателѣ Филоксенѣ, чего не отмѣчаетъ и Stenning, замѣтившій хроникѣ, и Авраамъ Нефтарскій. Оба памятника списаны мною.

Мысль объ арабскомъ или сирійскомъ текстѣ *Исторіи Варлаама и Иосафа* не покидала меня и въ Іерусалимѣ. Я рассчитывалъ найти его въ бібліотекѣ Іерусалимской патріархіи, полагаясь на работу I. V. Chabot, *Notices sur les manuscrits syriaques*, гдѣ въ описаніи рукописи № 17 каршуні, т. е. на арабскомъ языкѣ, но сирійскимъ письмомъ, была отмѣчена статья: *Исторія принца (Иосафата)*. Въ рукописи, дѣйствительно, оказалась *Исторія принца*, но она не имѣетъ никакого отношенія къ Иосафату. Это принцъ, рассказывающій ходячую легенду о черепѣ. Текстъ каршуні я все же списалъ, такъ какъ этой легендой, извѣстной на иранскомъ Востокѣ подъ названіемъ *ساجد*, у насъ интересовались многіе (Н. Марръ, *Агіограф. матеріалы*, II, стр. 93).

Перехожу къ основной части Отчета, оговорившись, что въ бібліотекѣ св. Екатерины намъ не удалось видѣть армянскихъ рукописей, кромѣ одной съ сочиненіемъ Давида Непобѣдимаго, оказавшейся между грузинскими и описанной мной. Ихъ, однако, видѣли профессора Кондаковъ, Цагарели и Дмитріевскій. Едва ли такое свѣдѣніе есть результатъ смѣшенія схожихъ между собою письменъ армянскаго и грузинскаго. Въ числѣ грузинскихъ пергаменныхъ рукописей, палимпсестовъ, попадались листы съ нижнимъ армянскимъ текстомъ начальными и строчными буквами. Одинъ такой листъ съ четкими сравнительно армянскими инициальными

строками быть мною сфотографированъ ¹. Быть можетъ, армянскія рукописи имѣются въ подвалахъ или ризницѣ.

III.

Древнѣйшій періодъ христіанской письменности въ Арменіи и Грузіи характеризуется общностью церковно-литературныхъ преданій армянскихъ и грузинскихъ. Основная черта этихъ общихъ преданій та, что они идутъ изъ сирійскаго первоисточника, обыкновенно *via armeniasa*. Тѣсное общеніе грузинъ и армянъ въ самомъ началѣ ихъ литературной дѣятельности на пользу мѣстнаго христіанства является фактомъ громадной важности, но значеніе его пока недостаточно оцѣнивается, нѣтъ желанія ясно представить себѣ, какое незамѣнимое орудіе онъ можетъ представить въ рукахъ изслѣдователя исторіи древнѣйшей христіанской культуры въ Арменіи и Грузіи, — исторіи, похороненной въ позднѣйшихъ націоналистическихъ легендахъ. Этотъ фактъ — дѣло новое, далеко не вполне еще выясненное. И каждое новое явленіе, новая подробность, клонящаяся къ его утвержденію, представляются намъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

Въ грузинской церкви и позднѣе сохранились нѣкоторые древніе порядки и термины изъ эпохи единенія армянъ и грузинъ. Кое-что было изъято официально изъ позднѣйшей церковной практики, но оно продолжало существовать въ благочестивомъ народѣ, такъ какъ успѣло пустить въ немъ корни при старомъ церковномъ строѣ. Такъ, древне-грузинская церковь санкціонировала искупительныя жертвоприношенія агнцевъ, тельцовъ и другихъ животныхъ. Въ грузинскихъ требникахъ, сохранившихся на Синаѣ, оказались любопытныя молитвы и подборъ ветхозавѣтныхъ чтеній, относящихся къ этому обряду. Мною были сдѣланы извлеченія для сличенія съ соответственными армянскими памятниками. Въ армянской церкви этотъ обычай, такъ называемый *shinnyq*, сохранился до нашихъ дней, но, къ сожалѣнію, на армянскомъ языкѣ не дошли до насъ, во всякомъ случаѣ пока неизвѣстны столь древніе требники, какъ грузинскіе. За этотъ обычай армянъ подвергали сильному порицанію церкви греческая, а впоследствии, по отдѣленіи отъ армян-

¹ Пергаменные листы съ древне-армянскимъ текстомъ, имѣющіе палеографическое значеніе, были сфотографированы мною и въ Іерусалимѣ.

ской, и грузинская. Обличенія этого обычая вызвали армянскую апологетическую литературу по вопросу, пока не изслѣдованную. Я списалъ въ Іерусалимѣ разъясненіе по этому вопросу вардапета Саака. Онъ старается дать этому обычаю, несомнѣнно, дохристіанскому, мѣстному, каволическое происхожденіе въ связи съ соборными постановленіями объ обычаяхъ совершенно иного порядка, именно, объ „аганахъ“.

Еще болѣе жестокое обличеніе вызывалъ армянскій постъ араджаворъ. Обличали его, какъ „мерзкое“ (μαρός) установленіе, и греки, и за ними грузины¹. Но въ древне-грузинской церкви этотъ постъ существовалъ. Самъ армянскій терминъ араджаворъ встрѣчается, безъ слова порицанія, какъ переживаніе, въ грузинскомъ переводѣ каноновъ Іоанна Константинопольскаго (моя рп., тетр. 19, л. 1а). Еще болѣе важно, что тотъ же терминъ араджаворъ нашелъ И. А. Джаваховъ на Синаѣ въ грузинской минеѣ — Синаитской рукописи № 5.

У армянъ постъ этотъ сохранился до сего дня, и на армянскомъ языкѣ имѣется въ его пользу довольно богатая апологетическая литература, пока не изученная. Въ библиотекѣ св. Іакова въ Іерусалимѣ я обслѣдовалъ три армянскіе памятника, посвященные разъясненію этого поста; одинъ изъ нихъ—слово, по свидѣтельству рукописи, вардапета Ванакана, списано мною полностью. Но всѣ они любопытны лишь для установленія господствующей точки зрѣнія въ національный, наиболѣе новый періодъ армянской церковной жизни. Самъ предметъ исторически вѣрнаго освѣщенія не получаетъ.

Общность порядка праздниковъ въ древней церкви армянской и грузинской найдетъ подтвержденіе и въ собранныхъ нами матеріалахъ, но только отчасти. Не удалось напасть на данныя, фактически подтверждающія, напр., существованіе у грузинъ древняго празднованія Рождества 6 января, сохраненнаго армянами. Интересъ могутъ представить въ этомъ отношеніи замѣченныя И. А. Джаваховымъ древне-грузинскія особенности между прочимъ въ службѣ въ день Рождества и Крещенія. Въ монастырѣ св. Іакова въ Іерусалимѣ я списалъ объясненіе армянскаго празднованія Срѣтенія, находящагося въ связи съ древнимъ празднованіемъ Рождества. Это — *Посланіе Григорія, епископа Арцруніевъ, къ*

¹ Между прочимъ въ грузинской версіи *Номоканона*, § 16.

армянамъ. Оно было издано въ *Исторіи Іерусалима* (1890, 101—103), сочиненіи одного изъ братіи монастыря св. Іакова; несомнѣнно также по іерусалимской рукописи, но отличавшейся отъ использованнаго мною списка.

Справки мои о первомъ армянскомъ переводѣ Ветхаго за-вѣта привели лишь къ одному результату. Я узналъ, что въ монастырѣ св. Іакова въ Іерусалимѣ имѣется армянская рукопись Библии съ значительными отличіями отъ армянской вульгаты, съ характерными разночтеніями, удаляющими ея текстъ отъ перевода семидесяти толковниковъ. Фактъ этотъ былъ замѣченъ, насколько я успѣлъ провѣрить, вполне основательно бібліотекаремъ, епископомъ Саакомъ Хабаянцемъ, нынѣ Сисскимъ католикосомъ; многіе примѣры были внесены въ составленный имъ подробный каталогъ, подготовляемый для печати, и, скажу откровенно, я постѣснился использовать такія данныя, которыя являлись результатомъ непечатанной еще чужой работы. Что касается грузинскаго текста, то полнаго списка грузинской Библии въ Палестинѣ нѣтъ, или, вѣрнѣе сказать, пока не обнаружено; можно было только предполагать его существованіе въ древности, и мы были очень довольны, когда мнѣ удалось открыть на Синаѣ пергаменный листъ, фактически подтверждающій подобное предположеніе. Листомъ этимъ оклеенъ переплетъ одной рукописи (№ 92). На немъ сохранилось начало грузинскаго перевода Библии; текстъ писанъ въ два столбца инициальнымъ письмомъ. Это второй извѣстный образчикъ грузинскаго инициального текста первой книги Библии¹.

Въ Іерусалимѣ мною была намѣчена для изслѣдованія грузинская рукопись пророковъ XI вѣка. Текстъ при бѣгломъ просмотрѣ мнѣ показался архаичнымъ; многія мѣста, несомнѣнно, указывали на зависимость отъ армянскаго текста. Для образчика я цѣликомъ сфотографировалъ, частью списать книги Ездры, въ томъ числѣ апокрифическую, называемую въ грузинскомъ, какъ и въ армянскомъ, книгою Ездры Салатіела.

Въ армянскомъ апокрифическая книга Ездры считалась переведенною въ позднѣйшее время, такъ какъ до сихъ

¹ О первомъ образчикъ см. М. Джанашивили, *ქართული ძეგლები*, 1900, стр. 191—192.

порѣ Сылъ извѣстенъ только текстъ, встрѣчающійся въ спискахъ Библии XVI—XVII вѣковъ.

Въ специальной литературѣ обсуждали этотъ именно позднѣйшій армянскій текстъ, отгадывая въ немъ то тамъ, то сямъ архаичныя черты, и на немъ основывали различныя сужденія, съ большинствомъ которыхъ теперь приходится проститься, такъ какъ грузинскій переводъ, лежащій въ списокѣ XI вѣка, сохранилъ намъ древне-армянскую версію совершенно иного, несомнѣнно архаичнаго и по самому содержанию характера. Самъ переводъ грузинскій ни въ какомъ случаѣ не позднѣе VII вѣка, но возможно, что онъ и древнѣе. Къ сожалѣнію, послѣдніе листы этого памятника сильно пострадали отъ сырости.

Цѣликомъ сохранились двѣ каноническія книги Ездры, и онѣ-то и послужили источникомъ любопытныхъ наблюдений. Я успѣлъ сравнить одну изъ нихъ (вторую) съ армянскимъ, сирійскимъ, греческимъ и еврейскимъ текстами. Прежде всего выяснилось, что грузинскій текстъ этой книги буква въ букву воспроизводитъ армянскій текстъ, — тотъ именно армянскій текстъ, который имѣемъ въ обычномъ изданіи Библии и называемъ вульгатнымъ. По существующему въ специальной литературѣ взгляду, въ этомъ вульгатномъ текстѣ Библии имѣемъ переводъ съ греческаго семидесяти толковниковъ. Я уже имѣлъ честь докладывать въ апрѣльскомъ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго общества 1901 года о неосновательности этого взгляда. Докладъ тотъ былъ напечатанъ полностью до отъѣзда на Синай (*Кавказскій Вѣстникъ*, 1902, № 4), и въ немъ уже отмѣчено (стр. 4) преувеличенное значеніе новооткрытаго въ Эчмиадзинѣ армянскаго текста *Паралипомена*, будто въ этой вновь всплывшей версіи и имѣемъ только текстъ древнѣйшаго армянскаго перевода св. Писанія. „Материалами такого характера или даже тождественными,—читано было въ докладѣ,—мы располагали и раньше, по скольку вопросъ касался оригинала древнѣйшаго армянскаго перевода св. Писанія вообще, а не въ частности той или другой книги“. Тогда еще питалъ я извѣстное довѣріе „если не къ выводамъ, то къ дѣйствительности работъ надъ всѣми частями армянской Библии тѣхъ, которые утверждали, что она, будто, воспроизводитъ текстъ греческаго перевода

семидесяти толковниковъ съ поразительной точностью, съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Наблюдения, сдѣланныя мною надъ многими отдѣльными мѣстами армянской Библии, противорѣчили такому исключительному господству семидесяти толковниковъ даже въ вольгратномъ армянскомъ текстѣ Библии; но трудно было предположить, что ученые специалисты способны были просмотрѣть въ этомъ вольгратномъ армянскомъ текстѣ присутствие цѣлой книги, въ рѣдкой степени отличающейся отъ версиі семидесяти толковниковъ. Такую книгу имѣемъ въ армянскомъ печатномъ текстѣ Ездры. Особенности новооткрытаго армянскаго текста *Паралипомена*, заставлявшія отвести ему исключительное мѣсто, считать его пережиткомъ перваго перевода св. Писанія на армянскій языкъ, оказались въ поразительныхъ размѣрахъ и въ давно извѣстномъ печатномъ армянскомъ текстѣ книги Ездры. Древность этого армянскаго текста Ездры теперь не можетъ подлежать спору, такъ какъ его воспроизводитъ точный древне-грузинскій переводъ, предлежащій въ іерусалимской рукописи XI вѣка и относящійся ко времени до VIII вѣка. Въ армянскомъ и грузинскомъ переводахъ Ездры во всякомъ случаѣ имѣемъ одну версію. Она сильно отличается отъ семидесяти толковниковъ и, хотя и проявляетъ часто поразительную близость то къ еврейскому подлиннику, то къ сирійской версиі, отождествить ее, однако, нельзя ни съ массоретскимъ текстомъ, ни съ наличнымъ сирійскимъ, несмотря на слѣды вліянія сирійскаго языка въ армянскомъ переводѣ. Къ сожалѣнію, сирійскій текстъ книги Ездры успѣлъ подвергнуться сильному вліянію греческаго Септанта.

Изъ длиннаго ряда переводныхъ патристическихъ памятниковъ этого періода на грузинскомъ языкѣ списаны были мною нѣсколько памятниковъ по рукописи 864 года. Выборъ дѣлался въ зависимости отъ того, что подлинники ихъ утрачены или извѣстны въ неудовлетворительныхъ рецензіяхъ. Такимъ образомъ, образовался патристическій отдѣлъ на грузинскомъ языкѣ, состоящій изъ двухъ словъ (одно — дефектное) Тимоѳея Іерусалимскаго (полное изъ нихъ—слово о Срѣтеніи), одного слова Мелетія Антиохійскаго о недѣлѣ Ваифи и одного чтенія Антипатра Бострійскаго о Богѣматери и молчаніи Захаріи.

8888

Въ пользу единства нормъ въ древней грузинской и армянской церкви говорятъ и эти памятники. Укажу на одинъ фактъ, понятный безъ особаго разъясненія. Праздникъ опръсноковъ въ словѣ Мелетія названъ словомъ *ძვლახუბობა*, представляющимъ грузинскую форму армянскаго *բարձր*. Твореніи Тимоѳея Іерусалимскаго на армянскомъ не сохранилось. Слова Мелетія и Антипатра въ армянскихъ рукописяхъ попадаются часто, но не тѣ, которыя имѣются въ древнемъ грузинскомъ переводѣ. Однако, для ознакомленія со стилемъ армянскаго перевода твореній Антипатра я списалъ слово его *О рожденіи и крещеніи Христа* по рукописи монастыря св. Іакова въ Іерусалимѣ.

Отмѣчу еще, что въ іерусалимскихъ рукописяхъ найденъ былъ грузинскій переводъ твореній Ипполита въ томъ составѣ, въ которомъ имѣемъ ихъ въ извѣстной Шатбердской рукописи. Въ томъ же составѣ, но лишь съ отрывочнымъ толкованіемъ *Пѣсни Пѣсней*, оказались они въ армянскихъ рукописяхъ монастыря св. Іакова. Армянскій текстъ *Толкованія Пѣсни Пѣсней* мною былъ списанъ.

Наиболѣе обильный матеріалъ обследованныя на Синаѣ рукописи дали для вопроса о пѣснопѣніяхъ, и хотя не оказалось ни одного списка древняго сборника, цѣликомъ относящагося къ древнѣйшей эпохѣ, но въ рукописяхъ X—XI вѣковъ сравнительно болѣе позднихъ сборниковъ нашлись отдѣльныя пѣснопѣнія съ помѣткой, что они древнія. Конечно, это еще не означаетъ, что всѣ пѣснопѣнія съ такою помѣткою относятся непременно къ древнѣйшей эпохѣ,— эпохѣ церковнаго единенія армянъ и грузинъ, но есть между ними и такія. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ позднѣйшихъ пѣснопѣніяхъ встрѣчаются древнѣйшія переживанія, примѣры чего будутъ приведены ниже.

Агиографическіе памятники представлены весьма богато въ нашихъ матеріалахъ. Извѣстная ихъ часть относится къ обсуждаемому періоду единенія армянской и грузинской церкви. Такъ, напр., *Мученичество Акепсимы, Иосифа и Аивалы* имѣется въ двухъ грузинскихъ версияхъ: одна (Син., № 91, 25) представляетъ сравнительно позднѣйшій переводъ съ греческаго (*Acta Sanctorum*, April. III, 22), въ другой имѣемъ древній текстъ съ арменизмами, восходящій къ сирийскому подлиннику.

Агіографическіе памятники, списанные на Аѳонѣ въ качествѣ наслѣдія общей армяно-грузинской церковной жизни, особаго приращенія не получили и въ эту поѣздку. Грузинскія рукописи въ этомъ отношеніи не дали почти ничего, если не считать появленія именъ армяно-грузинскихъ святыхъ въ календаряхъ, а также еще пѣснопѣній одной синайской грузинской *Минеи* (№ 92) въ честь мучениковъ Арменіи — Давида и Тиричана. Житія этихъ святыхъ на армянскомъ такъ и не удается отыскать. Армянскія рукописи дали, главнымъ образомъ, варианты, иногда весьма существенные, къ извѣстнымъ уже текстамъ. Сличеніе ихъ у меня заняло больше всего времени въ монастырѣ св. Іакова. Изъ сотенъ армянскихъ разночтеній приведу одно.

Въ небольшой, но содержательной статьѣ о персидскомъ мученикѣ изъ рода Михрана, Григоріи Маначихрѣ Ражскомъ или Рагскомъ (*Араратъ*, 1901, 468—474=отд. отд., съ дополненіями, 1902, 1—26), эчмиадзинскій монахъ Галустъ Тэр-Мкртчянъ выяснилъ, что въ Двинѣ существовала въ VI-мъ вѣкѣ несторіанская община, и что въ армянскую агіографію проникли оттуда житійные матеріалы несторіанскихъ святыхъ.

Несторіанскій монастырь разрушилъ армянскій католикосъ Нерсесъ II въ 554-мъ году. Это обстоятельство весьма важно, такъ какъ несторіанскій католикосъ Мар - Аба, скончавшійся за два года до этого событія, въ Азербейджанѣ проживалъ еще раньше, когда среди армянъ безъ всякаго протеста могъ установиться авторитетъ несторіанскаго ученаго, въ которомъ есть основаніе признавать мнимаго или дѣйствительнаго автора начальной исторіи Арменіи (Н. Марръ, *Арабское извлеченіе изъ сирійской хроники Марибаса*, стр. 090—091). Изъ этой же эпохи мирнаго сожительства армянъ съ несторіанами перешло въ армянскую, а оттуда въ грузинскую агіографію *Мученичество Іездбозида*, замученнаго въ Двинѣ, по вычисленію о. Галуста, 9 ноября 553 года, приблизительно за полгода до разрушенія несторіанской обители въ этомъ городѣ. О. Галустъ дѣлаетъ догадку, что самъ Іездбозидъ былъ несторіанецъ. Несомнѣнно то, что онъ чтился несторіанцами. Въ *Мученичество Іездбозида* читаемъ, что вслѣдъ за нимъ въ этотъ же день въ Двинѣ были казнены два лица, осужденныя на смерть. Одинъ былъ еврей, а про другого сказано, что онъ „былъ изъ общины хужиковъ. Когда

его привели къ древу, то онъ облобызаль ноги св. мученика (Іездбозида), взялъ прахъ, смѣшанный съ кровью, накапавшею изъ (ранъ) мученика, и положилъ его себѣ за пазуху. Тогда палачъ ударилъ по головѣ, и его распяли на дрѣвѣ по правую сторону мученика (Іездбозида)“. „Общину хужиковъ“ Конибиръ перевелъ черезъ „племя хужиковъ“ (*Monuments of early christianity*, London 1896, стр. 270: „the tribe of Khoŭjik“), между тѣмъ армянскій текстъ совершенно ясно говоритъ объ общинѣ, точнѣе собраніи (*ժողով*), церкви хужиковъ, какъ находимъ и въ древнемъ грузинскомъ переводѣ. О. Галусть уже выяснилъ на основаніи посланія Нерсеса II, что подъ хужиками, общиною хужиковъ понимаются несторіанцы, община несторіанцевъ. Нерсесъ II, разгромившій несторіанскій монастырь, относился къ хужикамъ, понятно, съ нетерпимостью и называлъ ихъ самихъ „проклятыми“, а ихъ общину „мерзостной“, авторъ же *Мученичества Іездбозида* упоминаетъ безъ словъ охудженія „общину хужиковъ“, подъ которой и здѣсь, въ упомянутомъ агіографическомъ памятникѣ, несомнѣнно, надо понимать „несторіанскую общину“, какъ догадывался о. Галусть. Эта несомнѣнность явствуетъ изъ одного разночтенія іерусалимской рукописи монастыря св. Іакова (№ 1, нов. ном. 558): вм. *ի ժողովոյն խոժկաց* изъ общины хужиковъ въ ней читается *յաղնադոյն Վեսորի* изъ ереси Несторія.

Кромѣ разночтеній, въ бібліотекѣ монастыря св. Іакова въ Іерусалимѣ нашлась та армянская редакція *Житія Нерсеса Великаго*, которую тщетно искалъ я въ Эчміадзинѣ. Она открыта была мною впервые на Аѳонѣ въ древне-грузинскомъ переводѣ. Интересъ этой редакціи для армениста состоитъ въ томъ, что ею пользовался Моисей Хоренскій въ своей *Исторіи*. Содержаніемъ этого источника, между прочимъ, упраздняются соображенія армениста Конибира объ отношеніи Стефана Таронскаго къ Хоренскому, недавно появившіяся, именно, въ январьскомъ номерѣ *Հանդես Վեսորեայ* за текущій годъ (стр. 32).

Въ рукописяхъ монастыря св. Іакова оказалось *Повѣствованіе о городѣ Антіохіи* или, какъ оно озаглавлено въ другой рукописи, *Обращеніе Антіохіи*. Памятникъ мною списанъ. Интересъ повѣствованіе представляетъ не для исторіи, а для

апокрифовъ. Апостолы Петръ и Іоаннъ претерпѣваютъ ска- зочныя приключенія, Павелъ притворяется язычникомъ для успѣха проповѣди. Невольно возникаетъ мысль, не сохра- нился ли въ этомъ армянскомъ памятникѣ апокрифъ съ тѣмъ же заглавіемъ *Обращеніе Антіохіи*, существовавшій въ древней грузинской литературѣ. У Евфимія Святогорца (+1028) онъ помѣщенъ въ числѣ не пріемлемыхъ церковью книгъ.

Къ эпохѣ единенія грузинской церкви съ армянской от- носятся, надо полагать, списанныя мною на Синаѣ легенды, одна объ обрѣтеніи Креста Еленою, другая объ обрѣтеніи гвоздей. За такую древность ихъ говорить не только то, что онѣ найдены въ рукописи 864 года, но и замѣчательная архаичность языка и употребленіе сирійской формы назва- нія Спасителя (Յձօս, resp. ՅձօՅ՝ = *Καὶσος*).

Открытія и списанныя И. А. Джаваховымъ *Дьяніа Пи- лата* съ весьма архаичнымъ языкомъ и арменизмами и, по- жалуй, *Первоевангеліе Іакова* происходятъ также изъ этой эпохи.

Нельзя пока ничего сказать о списанномъ И. А. Джава- ховымъ древнемъ переводѣ десяти заповѣдей въ своеобраз- ной редакціи.

Всѣ эти памятники эпохи церковнаго единенія армянъ и грузинъ, особенно грузинская часть, открываютъ интен- сивность литературнаго общенія Грузіи съ Арменіей. Въ этихъ древнѣйшихъ грузинскихъ текстахъ мы имѣемъ переводы, сдѣланные съ армянскаго или во всякомъ случаѣ выполнен- ные подъ вліяніемъ армянскаго языка. Лингвистическіе ма- теріалы, вскрывшіеся въ обследованныхъ на Синаѣ и въ Іерусалимѣ памятникахъ, значительно обогатили, между про- чимъ, словарь заимствованій изъ армянскаго въ грузинскомъ и привели къ любопытнымъ наблюденіямъ, какъ мнѣ ка- жется, весьма важнымъ для исторіи армянской литературы. Грузинскія заимствованія, сдѣланныя изъ армянскаго без- спорно литературнымъ путемъ, своимъ фонетическимъ и лексическимъ составомъ дали серьезное основаніе для по- становки на очередь вопроса, чѣмъ отличался языкъ армян- ской письменности древнѣйшаго періода, изъ котораго не сохранились армянскіе списки, но къ которому относится все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ грузинскихъ пере-

водовъ съ армянскаго? Отличался ли тотъ армянскій языкъ отъ извѣстнаго намъ по наличнымъ древнѣйшимъ армянскимъ рукописямъ лишь архаичностью, или также, какъ то сильно внушаютъ грузинскія данныя, и діалектическими особенностями? Словомъ, не представлялъ ли первоначальный древне-армянскій литературный языкъ особаго нарѣчія или говора, и не состояла ли въ такомъ случаѣ роль такъ называемыхъ вторыхъ армянскихъ переводчиковъ не только въ исправленіи текстовъ по существу, приноровительно къ новому направленію богословствующей мысли въ Арменіи, вообще новому теченію ея церковной жизни, но и въ переводѣ ихъ на нарѣчіе, получившее господство въ эпоху этого новаго теченія? Какъ извѣстно, вторичный переводъ, переводъ по греческимъ подлинникамъ или, точнѣе, исправленіе, армянское преданіе утверждаетъ лишь по отношенію къ св. Писанію, но отъ изслѣдованія армянской литературы накапливается достаточное количество данныхъ, чтобы это преданіе толковать шире, чтобы слѣды вторичной „переводческой“ работы усматривать и въ другихъ памятникахъ, между прочимъ въ историческихъ сочиненіяхъ.

IV.

Послѣ эпохи единенія, выросшаго на почвѣ миссіонерской дѣятельности сирійцевъ, литература и въ Арменіи, и въ Грузіи вступаетъ на новый путь, на путь обособленія. Путь этотъ открывается греческимъ вліяніемъ. Греческое христіанство было исконно въ армянскихъ и грузинскихъ областяхъ, бывшихъ въ составѣ Византіи или входившихъ въ сферу ея политическаго вліянія, пограничныхъ съ нею, особенно съ Каппадокіей, но пока нѣтъ никакихъ указаній—и не дала ихъ и наша экспедиція—въ пользу того, что греческая проповѣдь вызвала къ жизни мѣстную литературу. Греческая церковь въ частяхъ этнографической Арменіи и Грузіи въ районѣ византійскаго вліянія пользовалась греческимъ языкомъ. Если теперь выясняется документально, что въ Арменіи и Грузіи существовали сродныя христіанскія общины, ростки сирійскаго ствола, каждая изъ нихъ съ письменностью на мѣстномъ языкѣ, то съ значительнымъ вѣроятіемъ обрисовывается также существованіе въ тѣсномъ единеніи армянской и грузинской общинъ съ греческимъ

церковнымъ языкомъ. Эта греческая церковь развивалась и стремилась къ расширенію своего административнаго района на востокъ и югъ, прочно завоеванные сирійскимъ христіанствомъ. Въ интересахъ ея, той же греческой церкви, написанъ прежде всего памятникъ, сохранившійся на Синаѣ въ арабскомъ переводѣ. Это — обращеніе Арменіи, переведенное на арабскій языкъ съ греческаго. Обращеніе Арменіи хорошо извѣстно на греческомъ языкѣ. Но давно доказано, что сохранившійся греческій текстъ представляетъ переводъ такъ называемой *Исторіи* Агаѳангела, которая, какъ теперь воочию можно убѣдиться, есть позднѣйшая обработка памятника въ армянскомъ націоналистическомъ духѣ. Первоначальную версію этой исторіи и сохранилъ намъ арабскій переводъ. Онъ цѣликомъ сфотографированъ мною. Рукопись, къ сожалѣнію, дефектна въ самомъ началѣ. Однако и сохранившихся 70 страницъ, переходнымъ куфическимъ письмомъ, достаточно, чтобы внести новый свѣтъ не только въ литературную критику армянской версіи Агаѳангела, но и въ историко-культурный вопросъ объ армяно-грузинскомъ христіанствѣ, тяготѣвшемъ къ Греціи, собственно къ Каппадокіи. Арабскій текстъ сохраняетъ всѣ моменты армянской версіи, но съ большимъ количествомъ реальныхъ подробностей. Если, тѣмъ не менѣе, арабская версія значительно уступаетъ по размѣрамъ армянской, то это объясняется риторичностью армянскаго текста, чудовищный размахъ которой, замѣчавшійся и раньше, особенно бросается въ глаза при сопоставленіи съ трезвымъ въ общемъ изложеніемъ новооткрытаго памятника. Для характеристики слога арабской версіи приведу нѣсколько отрывковъ, интересныхъ и по содержанію, такъ какъ ихъ, какъ кой-чего другого, нѣтъ въ армянской исторіи.

При возвращеніи изъ Кесаріи Григорій Просвѣтитель заѣхалъ въ Севастію, гдѣ онъ пробылъ шесть дней. Послѣ этого, направляясь въ свою страну, „св. Григорій“, читаемъ въ арабскомъ текстѣ, „взялъ изъ Севастіи священниковъ и монаховъ, чтобы поставить ихъ священниками въ церквахъ Арменіи. Съ нимъ, Григоріемъ, было письмо отъ патріарха Леонтія къ Петру, епископу Севастіи, чтобы тотъ отправился вмѣстѣ съ нимъ посадить его на его престоль, какъ велятъ церковные каноны“.

Когда затѣмъ на встрѣчу Григорію выѣхалъ царь Тирдаты, то онъ взялъ съ собою не только государыню Ашхену и сестру Хосровидухту, какъ сказано въ армянской *Исторіи*, но и „царя Грузіи, и царя Рштуни (обращеннаго въ арабскомъ переводѣ въ „царя русовъ“), и царя алановъ, и князей своихъ, и вельможъ своихъ, и вождей племенъ. И вышли они на встрѣчу св. Григорію, и затѣмъ привѣтствовали его, а также св. Петра, епископа“ (Севастіи).

Далѣе читаемъ; что св. Григорій „началъ освящать церкви и назначать въ нихъ священниковъ изъ тѣхъ, которые знали священное Писаніе, и однихъ послать въ Грузію, другихъ въ Абхазію и иныхъ къ аланамъ“.

Еще далѣе читаемъ, что св. Григорій „сначала взялъ тѣхъ, которые служили въ капищахъ, и обучилъ ихъ священному Писанію. И приготовилъ епископовъ св. Григорій, который самъ сталъ католикосомъ всея Арменіи, и рассылалъ ихъ по всей армянской землѣ, и въ Грузію, и въ страну разиковъ¹, и къ аланамъ. И взялъ онъ одного грузина изъ церкви Севастійской, по имени Абирб-з-х-ва, сдѣлалъ его митрополитомъ и отправилъ его, чтобы онъ ставилъ епископовъ надъ всею Грузіею. Онъ былъ прекрасенъ образомъ жизни, смиренъ, свѣдущъ въ церковныхъ книгахъ. Онъ былъ діакономъ и очевидцемъ, когда открыли мощи сорока мучениковъ. Онъ былъ украшенъ сѣдиною, и потому возвелъ его (св. Григорій) на эту степень. И направилъ онъ въ Абхазію Софронія, и былъ онъ священникъ изъ Каппадокіи. Онъ находился при св. Григоріи, и тотъ сдѣлалъ его епископомъ и отправилъ. И направилъ въ страну алановъ Ѳому, превосходнаго мужа; онъ былъ изъ города Саталуна“.

Перечень пастырей, разосланныхъ св. Григоріемъ въ различныя области самой Арменіи, имѣется и въ армянской версіи; но въ ней изъ перечня удалены или измѣнены нѣкоторыя существенныя подробности. Такъ, по армянскому тексту всѣ пастыри, повидимому, были изъ дѣтей армянскихъ жрецовъ. Дѣти жрецовъ были воспитаны Григоріемъ и достойные изъ нихъ рукоположены въ епископы. Въ слѣдующемъ непосредственно затѣмъ перечнѣ ихъ (Тифлисъ 1882, стр. 487) армянскій текстъ называетъ какъ будто одного епи-

¹ Или, быть можетъ, въ Дерджанъ. Въ арабскомъ: بلد درزقيات

скопа Алвіана въ двухъ мѣстахъ: во-первыхъ, въ самомъ началѣ: „имя перваго (епископа) Алвіанъ, который потомъ стать епископомъ областей по рѣкѣ Евфрату“. Во-вторыхъ, въ концѣ перечня: „Алвіана, истиннаго и боголюбиваго мужа, (Григорій) оставлялъ епископомъ лагеря царскаго двора, а самъ отъ времени до времени уходилъ въ горы“.

Въ арабскомъ читается также въ двухъ мѣстахъ, но ясно о двухъ различныхъ Алвіанахъ. Во-первыхъ, въ началѣ: св. Григорій „отправилъ Алвіана въ городъ Багревандъ и ко всѣмъ жителямъ побережья Евфрата, которые раньше служили идоламъ, и его поученіемъ онъ обратилъ ихъ всѣхъ къ познанію Бога, ибо онъ (Алвіанъ) былъ достоинъ того, чтобы сидѣть на престолѣ учениковъ (Христовыхъ)“. Во-вторыхъ, не въ концѣ перечня, какъ въ армянской версіи, а на восьмомъ мѣстѣ, притомъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, быть можетъ случайнымъ, въ имени (Алвій вм. Алвіана): „И отправилъ (св. Григорій) епископа Алвіа въ страну спаранета, въ страну мамиконянъ, который (т. е. спаранеть, означающій *главнокомандующаго*) былъ изъ придворныхъ царя и начальникъ войскъ. И пошелъ тотъ съ главою ихъ (мамиконянъ), котораго звали Патрикомъ. И по истинѣ блаженный Григорій приказалъ епископу Алвію и сказалъ ему: „не разлучайся съ Патрикомъ и наполняй (его) страну проповѣдью“. И это потому, что епископъ (Алвій) былъ образованъ въ различной мудрости, ромейской и языческой, и былъ онъ силенъ въ толкованіи св. Писанія, и подъ его властью были (еще области) Таронъ и Б-с-у-нъ“.

Было бы долго указывать всѣ любопытныя мѣста версіи, сохранившейся въ арабскомъ переводѣ. Между прочимъ есть случай, когда оправдалась ссылка Хоренскаго (II, 83), въ главѣ о Константинѣ, на Агаѳангела, послужившая въ глазахъ ученыхъ критиковъ доказательствомъ любви Хоренскаго къ измышленіямъ, такъ какъ въ извѣстномъ армянскомъ текстѣ Агаѳангела она не находила поддержки. Но основное значеніе арабскаго текста въ томъ, что въ немъ св. Григорій изображается безъ всякихъ недомолвокъ какъ миссіонеръ-дѣятель греческой, въ частности каппадокійской церкви. Здѣсь онъ не только получаетъ рукоположеніе въ высшаго іерарха, но и запасается сотрудниками. Онъ—просвѣтитель и устроитель греческой церковной жизни не

въ одной Арменіи, но и въ сосѣднихъ странахъ, Абхазіи, Грузіи, среди алановъ и др., словомъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ греческая церковь, дѣйствительно, успѣла установить корни или куда только стремилась распространить свое вліяніе ¹.

Когда произошло сліяніе въ Арменіи греческаго и сирійскаго церковныхъ теченій, греческая легенда была переведена на армянскій языкъ и въ послѣдствіи обработана въ націоналистическомъ армянскомъ духѣ. Это и есть *Исторія Агаангела*.

Но одно время въ грузинской литературѣ такъ культивировалась память св. Григорія, какъ папѣ Грузіи. Ново и характерно въ этомъ отношеніи показаніе одного древняго иѣснопѣнія въ честь просвѣтителя Арменіи по синайскимъ грузинскимъ рукописямъ (№№ 49, 65), гдѣ Грузія названа паствою Григорія. Само иѣснопѣніе, весьма любопытное и въ другихъ отношеніяхъ, армянскаго происхожденія. Слѣдовательно, можно думать, что греческое вліяніе воспринималось вначалѣ грузинами и армянами и сообща, когда еще было въ полной силѣ ихъ церковно-литературное единеніе. Въ пользу этого можно толковать еще другой фактъ. Онъ также выясненъ матеріалами нашей поѣздки. Оказалось, что армянскому и грузинскому переводамъ Библии общи кое-какія своеобразныя черты греческаго происхожденія, именно такія, которыя возникли отъ тождественно-ошибочнаго пониманія греческаго текста при позднѣйшемъ ихъ исправленіи по Септанту.

Микуемъ вопросъ, сколь долго продолжалось совмѣстное

¹ Эти строки были уже набраны, когда я получилъ возможность ознакомиться съ краткою эіопскою версіею *Житія св. Григорія* въ только-что появившемся изданіи Перейры (*Vida de S. Gregorio, patriarcha da Armenia conversão dos Armenios aos christianismo versão ethiopicã publicada por Francisco Maria Esteves Pereira*). Тексту предпослано предисловіе (стр. 3—11) съ разсужденіемъ издателя и данными о Григоріи Просвѣтителѣ въ эіопской литературѣ. Въ концѣ (стр. 28—40) португальскій переводъ и указатель собственныхъ именъ (стр. 41—42). Эіопскій переводъ португальскій ученый относитъ къ XIV-му вѣку. Переводъ сдѣланъ съ арабскаго, который въ свою очередь восходилъ къ греческому. Греческій текстъ былъ сокращенъ, вѣроятно, еще арабскимъ писателемъ, и это сокращеніе переведено на эіопскій. Къ этому добавимъ отъ себя, что эіопская версія не восходитъ къ открытому мною арабскому тексту.

общеніе армяно-грузинской церкви непосредственно съ греческою. Но въ значительной степени съ этимъ непосредственнымъ общеніемъ находится въ связи расколъ, образование двухъ церквей, армянской и грузинской. Собранные на Синаѣ матеріалы наглядно устанавливаютъ, какимъ образомъ своеобразная грузинская церковь подгонялась подъ греческія нормы въ продолженіе многихъ вѣковъ. Особенности армянской и грузинской церквей, минуя мѣстныхъ почвенныхъ условій, складывались изъ неравномѣрнаго распредѣленія въ нихъ чертъ двухъ церковныхъ теченій, сирійскаго и греческаго.

Въ армянской церкви перевѣсило сирійское теченіе, въ грузинской—греческое. Это не было, однако, торжествомъ сирійцевъ въ одномъ случаѣ или грековъ въ другомъ. Это была побѣда двухъ мѣстныхъ церквей, залогъ самостоятельнаго развитія каждой изъ нихъ. Съ этихъ поръ какъ армянская, такъ и грузинская церковь проявляютъ замѣчательную энергію, каждая независимо, для своего развитія. Однимъ изъ средствъ служить переводы непосредственно съ подлинниковъ, прежде всего греческихъ. Наша поѣздка дала матеріалы для переводческой дѣятельности грузинъ съ греческаго.

Часто эти переводы дѣлались въ Грузіи, иногда на родинѣ подлинниковъ. Первое мѣсто отвожу текстамъ св. Писанія.

Интересны древніе списки Евангелія, сохранившіеся на Синаѣ съ виѣшними признаками исправленія. Намъ обоимъ, особенно И. А. Джавахову, приходилось описывать подобные цѣнные черновики съ подскобленіемъ древнихъ чтеній и занесеніемъ, иногда надписываніемъ, новыхъ. Слѣдующіе списки уже чисты, исправленія можетъ подмѣтить лишь опытный изслѣдователь текста.

И. А. Джаваховъ на Синаѣ описалъ пять указателей евангельскихъ чтеній на всѣ дни года, на субботы, воскресенье и постные дни (№№ 10, 14, 16, 19, 38), всѣ пять согласно греческой церковной традиціи.

Мною были списаны евангельскія чтенія Саввинскаго чина по одной рукописи и сличены съ одной стороны съ такими же чтеніями Синайскаго чина, съ другой—съ „новымъ переводомъ“ по рукописи 1074 года. Сличеніе привело

къ неожиданнымъ результатамъ. Между прочимъ, оказалось, что „новый переводъ“ Евангелія списка 1074 г. не есть извѣстный трудъ Георгія Святогорца, писателя XI вѣка, а дѣло значительно болѣе древнее, такъ какъ имъ пользовался писецъ евангельскихъ чтеній по Синайскому чину въ 978-мъ году: писецъ этотъ, открытый въ эту поѣздку грузинскій писатель Іоаннъ, подвизавшійся на Синаѣ, самъ заявляетъ, что, слѣдуя въ выборѣ отрывковъ греческому подлиннику Синайскаго чина, грузинскій текстъ ихъ онъ установилъ безъ всякаго измѣненія по грузинскому подлиннику Четвероевангелія.

Опускаю другія свѣдѣнія, внесенныя нами въ описаніе рукописей, касательно „новыхъ“ переводовъ Евангелія, которые противопологались древнему, какъ переводы съ греческаго.

Обыкновенно предполагается, что чтенія литургическихъ памятниковъ должны представить лучше древній текстъ св. Писанія. На дѣлѣ же ничто такъ не чувствительно ко всякимъ вѣяніямъ, какъ литургическая литература. На ней и сказывается раньше всего новое церковное теченіе. Во всякомъ случаѣ мною были выписаны, съ помощью И. А. Джавахова, отчасти сфотографированы изъ синайскихъ службниковъ и требниковъ X—XI вѣковъ ветхозавѣтныя чтенія, представляющія иногда значительныя отрывки грузинскаго текста Бытія, Исхода, Второзаконія, Притчъ, Исаи, Іезекииля и Даниила, но въ нихъ оказался позднѣйшій переводъ съ греческаго, съ удержаніемъ лишь кое-гдѣ чертъ, быть можетъ, древнѣйшаго грузинскаго перевода.

Впрочемъ, сами литургическіе памятники, обследованные на Синаѣ, въ большинствѣ переводы съ греческаго. Особенно отмѣтилъ И. А. Джаваховъ рукопись X вѣка (№ 37), гдѣ имѣется іерусалимскій канонъ 12-ти главныхъ праздниковъ, содержащій въ себѣ много цѣнныхъ указаній и замѣчаній относительно различныхъ особенностей службы и обрядовъ. Писецъ этой рукописи, вышеназванный писатель Іоаннъ, выдающійся ученый монахъ, даетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ отличіи іерусалимской богослужебной практики отъ грузинской. Послѣ описанія іерусалимскаго богослуженія IV вѣка, сохранившагося въ *Peregrinatio Silviae* (Duchesne, *Origines du culte chrétien*, стр. 472—503), этотъ гру-

зинскій памятникъ можетъ считаться самымъ важнымъ источникомъ для изученія исторіи литургической практики Іерусалима. И. А. Джаваховъ списалъ весь памятникъ, за исключеніемъ евангельскихъ и ветхозавѣтныхъ чтеній, изъ которыхъ онъ обыкновенно выписывалъ только начальныя фразы. Слѣды этого іерусалимскаго канона И. А. Джаваховъ улавливаетъ въ мѣстныхъ грузинскихъ литургическихъ памятникахъ.

Описанныя нами литургіи Іоанна Златоуста, Василія Великаго и другіе богослужебные памятники—ихъ много на Синаѣ—откроютъ много еще данныхъ, какъ основательно внушаетъ И. А. Джаваховъ, для вопроса о вліяніи греческой литургической практики на древне-грузинскую.

Иѣснопѣній въ переводѣ съ греческаго большое обиліе. Часто встрѣчались мы со стихами въ порядкѣ греческаго алфавита. Не рѣдки цѣлыя сборники иѣснопѣній, полностью переведенные съ греческаго. Всѣ они описаны; нѣсколько иѣснопѣній, главнымъ образомъ Романа Сладкопѣвца, списаны.

Въ вопросѣ о греческомъ вліяніи на грузинскую церковь интересна многократность перевода одного и того же памятника. Каждый новый опытъ представлялъ шагъ впередъ въ дѣлѣ сближенія съ греческою церковью, уменьшая пережитки первоначальнаго перевода, обыкновенно съ армянскаго. Но по отношенію къ кодексу св. Писанія это постоянное видоизмѣненіе текста длилось, повидимому, лишь до смерти Георгія Святогорца (XI в.).

Переводы его были признаны въ этомъ отношеніи послѣднимъ словомъ, дальнѣйшимъ исправленіямъ положенъ конецъ. Въ этомъ смыслѣ большой интересъ представляетъ запись Ефрема, грузинскаго писателя XI вѣка, найденная мною въ Іерусалимской рукописи № 25 въ самомъ началѣ переведеннаго имъ *Толкованія Апостола*.

Ефремъ указываетъ на слабыя стороны въ грузинскомъ текстѣ *Апостола* по переводу Георгія Святогорца, который не сумѣлъ, по мнѣнію Ефрема, вполне отрѣшиться отъ привычныхъ чтеній древне-грузинскаго текста, не передалъ, слѣдовательно, въ точности греческаго подлинника. И тѣмъ не менѣе самъ Ефремъ настоятельно проситъ не вносить въ привычный текстъ Георгія исправленій по его, Ефрема, настоящему труду.

Въ записи Ефрема много и другихъ интересныхъ данныхъ. Я приведу обстоятельныя свѣдѣнія о настоящей работѣ самого автора записи:

„Да будетъ извѣстно всѣмъ, коимъ попадется эта книга, что какъ въ толкованіи *Псалмовъ*, такъ и въ этомъ (толкованіи) всего *Апостола* по отношенію къ приснопамятному Георгію Святогорцу, великому учителю и свѣтилу всѣхъ нашихъ церквей, я, негодный прахъ его ногъ, Ефремъ Младшій, не нарушалъ ученическаго долга. Передо мною лежали *Дѣянія апостоловъ*, *Соборныя (посланія)* и *Посланія* въ переводѣ его-же, Георгія, и текстъ *Апостола* я списывалъ оттуда, чтобы не подумали, что книга *Апостола* переведена вторично. Однако греческій языкъ глубоко какъ бездна, одно и то же мѣсто выражаетъ много видовъ (мыслей), и св. Іоаннъ Златоустъ прежде всего такія мѣста и изслѣдуетъ въ совершенствѣ и выясняетъ значеніе ихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ такихъ-то мѣстахъ кое-гдѣ оказывалось нужнымъ измѣнить грузинскій текстъ *Апостола* и переименовать его. Такія мѣста и тогда съ трудомъ можно было понять, когда я собиралъ у себя вмѣстѣ три, четыре толкованія къ Павлу и столько же лексиконовъ, т. е. сборниковъ трудныхъ книжныхъ словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. И тогда—повторяю—съ трудомъ находилъ я соотвѣтственное грузинское слово. И гдѣ я измѣнялъ подобныя слова, тамъ съ краю строки ставилъ іоту и внутри передъ (исправленнымъ) словомъ особый знакъ“.

Такимъ образомъ этотъ трудъ Ефрема представляетъ переводъ не *Соборныхъ* посланій, какъ писалъ проф. Цагарели, а *Толкованія Апостола*, главнымъ образомъ *Іоанна Златоуста*, въ сопоставленіи съ мнѣніями другихъ отцовъ церкви.

Не меньшій интересъ представляетъ *Посланіе къ старцу Кирику* того же Ефрема. Оно также бросаетъ новый свѣтъ на обстановку, въ которой грузинскій переводчикъ работалъ въ XI вѣкѣ, на повышение умственного уровня грузинъ къ концу XI вѣка и особенно большую строгость требованій, предъявлявшихся къ переводамъ и не св. Писанія. *Посланіе къ старцу Кирику*, учителю Ефрема, найдено мною въ Иерусалимской рукописи № 34 въ началѣ перевода *Словъ Григорія Богослова*. Слова Григорія Богослова были переведены на Аеонѣ Евѣиміемъ Святогорцемъ, но Ефремъ все же перевелъ ихъ

заново на Черной горѣ, и это вызвало нареканія среди нѣкоторой части монаховъ. Ефрема обвинили въ тщеславіи, а въ его переводѣ усмотрѣли нѣчто еретическое. Ефремъ отвѣтилъ имъ съ большимъ достоинствомъ въ формѣ письма къ учителю. Каждая строка памятника содержитъ жизненные свѣдѣнія объ умственныхъ интересахъ грузинъ того времени. Приведу отрывокъ изъ того, что относится къ самому переведенному заново Ефремомъ памятнику.

„Нельзя было“, говоритъ онъ, „поверхностно отдѣлать мѣста, гдѣ приходилось измѣнять слова (древняго перевода). Когда я рѣшался измѣнить слова, сначала исправлялъ въ (особомъ новомъ) переводѣ, но я не довольствовался еще этимъ переводомъ, а наводилъ для большей увѣренности письменно справки о большинствѣ тѣхъ словъ и изслѣдовалъ все, что было сомнительно, разспрашивая ученыхъ и митрополитовъ великой Антиохійской патріархіи и даже самого святого владыку, мудрѣйшаго изъ всѣхъ. Пусть не удивляется никто, что св. отецъ нашъ Евѣимій прошелъ мимо нѣкоторыхъ изъ этихъ (сомнѣній), и онъ питалъ молокомъ и травами наше юное племя, тогда какъ теперь народъ, взрощенный Евѣиміемъ, его же милостью сталъ просить болѣе твердой пищи. Ибо Евѣимій выучился отъ апостола Павла (*Евр.* 5, 12—14) этому (пріему), и чистое крѣпкое вино, содержащееся въ книгѣ (Григорія) Богослова, онъ разбавлялъ водою, распространяя лаконичность учителя для простого народа, такъ какъ тогда наше племя было простое и юное. Потому имъ было разбавлено кое-что и изъ толкованій къ словамъ святого. Но ты (Кирикъ), самъ наставникъ, пожелалъ подобно намъ, воспитаннымъ Евѣиміемъ, чтобы я выкинулъ всѣ добавленія и вставки переводчика и перевелъ лишь одни слова (Григорія). Потому то я очень замѣшкался. Иногда я увлекался старымъ переводомъ, по привычкѣ и помня его наизусть, такъ какъ предо мною не лежалъ древній текстъ, и хотя я успѣвалъ написать (по старому) кое-что, чего не было въ (греческомъ) подлинникѣ, но я не лѣнился стереть его и написать то, что слѣдовало. Богъ да благословитъ вашей милостью и сподобитъ блаженства душу грамматика Василя и проститъ грѣхъ давшимъ намъ (греческій) подлинникъ этого памятника. (Текстъ его) былъ исправленъ имъ (грамматикомъ Василемъ) без-

ошибочно и съ акрибією, и всё могутъ положиться на этотъ подлинникъ“.

Но и самъ памятникъ, независимо отъ письма переводчика, представляетъ громадный историко-культурный интересъ. Дѣло не въ томъ, что кромѣ шестнадцати словъ Григорія Богослова и его *Житія* въ немъ имѣемъ и другія замѣчательныя вещи, такъ особенно статью, весьма сродную съ цѣнными схолиями Нонна къ рѣчамъ Григорія Богослова, озаглавленную такъ; „Мифологическія сказки (ἱστορικὰ μυθολογικά), упомянутыя св. и великимъ Богословомъ Григоріемъ въ его книгахъ на основаніи языческихъ книгъ“. Дѣло и не въ томъ, что памятникъ оказался въ рукописи съ позднѣйшею, весьма любопытной припиской, гдѣ, между прочимъ, съ датю 1253 года очевидецъ констатируетъ освобожденіе или выкупъ Креста, т. е. Крестнаго монастыря въ Иерусалимѣ, грузинскимъ царемъ Георгіемъ отъ плѣненія. Памятникъ представляетъ собою серьезную научную работу, выполненную съ самыми строгими и сложными филологическими приѣмами; не забыто ничто, ни установленіе и критика текста, ни самая скрупулезная точность перевода, ни сопоставленіе мнѣній различныхъ ученыхъ комментаторовъ. Критическій аппаратъ обрамляетъ основной текстъ крупнаго письма, самъ будучи написанъ мелкимъ, или его заключаетъ. И всетаки я не рѣшился бы увидѣть въ памятникъ краснорѣчиваго свидѣтеля культурнаго развитія вообще современнаго грузинскаго общества, если бы не было указаній на то, что въ то время среди грузинъ, дѣйствительно, былъ спросъ на подобныя научныя изданія. О распространеніи его и свидѣтельствуеетъ прежде всего протестъ части духовенства, вызвавшій отповѣдь ученаго переводчика Ефрема. Въ этомъ отношеніи любопытенъ и тотъ фактъ, что одна изъ иерусалимскихъ рукописей памятника, переведеннаго въ окрестностяхъ Антиохіи, написана въ Грузіи настоятелемъ Сапарскаго монастыря, именовавшимся также Ефремомъ, по заказу Габы, аркис-цихскаго дворянина, для грузинскаго монастыря въ Иерусалимѣ.

Ефрему же съ Черной горы принадлежитъ переводъ съ греческаго неизвѣстной до сихъ поръ версіи *Житія Иоанна Дамискаина*. Списавъ мною этотъ грузинскій текстъ изъ одной Синайской рукописи (№ 91), но онъ попался

миѣ часто, между прочимъ и въ Іерусалимскихъ рукописяхъ¹. Изъ Синайскаго списка выписана мною и запись Ефрема съ любопытными подробностями о возникновеніи и исторіи этой версии *Житія Іоанна Дамаскина*. Изъ заглавія же грузинскаго перевода узнаемъ, что житіе это было написано Михаиломъ, іеромонахомъ монастыря св. Симеона, на арабскомъ языкѣ, а съ арабскаго переведено на греческій языкъ Самуиломъ, Аданскимъ митрополитомъ. Такъ-то грузинскихъ переводовъ съ греческаго пришлось констатировать много. О большинствѣ изъ нихъ свѣдѣнія внесены въ описанія рукописи. Нѣкоторые списаны. Изъ списанныхъ мною памятниковъ сюда должны относиться *Житіе и дѣянія святыхъ и блаженныхъ набогправедниковъ* по Синайской рукописи (№ 24) X вѣка, двѣ редакціи апокрифическаго *Календаря пророка Ездры*, одна по Синайской рукописи (№ 38) X вѣка, другая по рукописи (№ 90) позднѣйшей бумажной, *Громовникъ* по Синайской рукописи (№ 38) X вѣка и *Гаданія* по одной Синайской рукописи.

О сильномъ греческомъ вліяніи, о пристрастіи къ греческому языку можемъ заключить и по нѣкоторымъ внѣшнимъ даннымъ. Въ нѣсколькихъ грузинскихъ рукописныхъ минеяхъ удержаны греческія слова, иногда цѣлыя фразы въ грузинской транскрипціи. Наблюдается увлеченіе даже греческими буквами. Въ синайской рукописи № 35 И. А. Джаваховъ встрѣтилъ грузинскія заглавія въ греческой транскрипціи, напр. ΕΒΙΣΤΟΛΗΝ ΑΝΤΟΝΙΣΙ *Посланіе Антонія*. О знаніи греческаго языка и интересѣ грузинъ къ греческимъ подлинникамъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что многія древнія греческія рукописи писаны ими или для нихъ. Еще Gardthausen указывалъ въ *Catalogus codicum graecorum sinaiticorum* на грузинскую пагинацію ряда синайскихъ греческихъ рукописей. Всѣ онѣ были мною просмотрѣны: въ нѣкоторыхъ оказались современныя рукописямъ грузинскія записи.

V.

Для вопроса о переводахъ непосредственно съ сирійскаго настоящая поѣздка дала мало.

¹ Извѣстны списки его и въ Тифлиси, см. Жорданія, *Хроника* и пр., I, стр. 312. Пользуюсь случаемъ и предупреждаю, что указанія источниковъ и литературы сохраняются для изданія самихъ памятниковъ.

Было констатировано вліяніе сирійскаго письма на формы нѣкоторыхъ грузинскихъ буквъ и вообще грузинскую орфографію, въ которой И. А. Джаваховъ выслѣдилъ, между прочимъ, надстрочную пунктуацию, быть можетъ, возникшую подъ сирійскимъ вліяніемъ.

Одно интересное поученіе Ефрема Сирина монахамъ, открытое И. А. Джаваховымъ, представляетъ весьма древній текстъ. По нѣкоторымъ признакамъ онъ переведенъ съ сирійскаго. Едва-ли можно сказать то же самое о грузинскомъ текстѣ другого произведенія Ефрема — *Самообличенія*, важнаго для выясненія біографіи этого выдающагося отца церкви. Этотъ родъ произведеній Ефрема извѣстенъ только въ греческомъ переводѣ (Vardenhewer, *Patrologie*, 2-ое изд., стр. 341). Оба произведенія списаны И. А. Джаваховымъ.

VI.

Больше сохранилось слѣдовъ вліянія арабскаго языка. На Синаѣ найдена арабская азбука для грузинъ съ объясненіемъ каждой арабской буквы соотвѣтственною грузинскою. На Синаѣ встрѣчались арабскія рукописи съ грузинскою нумераціей тетрадей, такъ напр. рукопись съ *Житіемъ Григорія Просвѣтителя*. Тамъ же съ другой стороны попадались и грузинскія рукописи съ арабскою нумераціей (словами), такъ напр. № 93. Наконецъ, въ синайскихъ грузинскихъ рукописяхъ были найдены интересныя записи и приписки грузинъ на арабскомъ языкѣ. Всѣ онѣ списаны или сфотографированы.

Въ Иерусалимѣ въ рукописи не позднѣе XIII вѣка оказалась *Мудрость Балахъара*, извѣстная грузинская версія *Варлаама и Иоасафа*. Ее уже тогда успѣли внести въ сборникъ житій святыхъ. На счетъ ея, впрочемъ, пока существуетъ колебаніе, арабскаго ли она происхожденія, или сирійскаго. Съ значительно бѣльшимъ вѣроятіемъ устанавливается арабское происхожденіе въ грузинскомъ другого памятника, греческій подлинникъ котораго утраченъ. Это—исторія взятія Иерусалима персами, найденная мною въ одной изъ Иерусалимскихъ рукописей. Она сфотографирована, частью списана мною. „Взятіе и разореніе Иерусалима въ 614 г. полчищами персовъ подъ предводительствомъ полководца Хозроя“—читаемъ въ октябрьскихъ сообщеніяхъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за 1897 г.

(стр. 598) — „извѣстно только въ общихъ чертахъ; въ виду этого каждый новый материалъ, а тѣмъ болѣе исходящій непосредственно отъ очевидца событія, приобретаетъ особую цѣнность“. Это вступительныя слова къ русскому переводу большого арабскаго памятника съ заглавіемъ: *Монахъ св. Саввы, Завоеваніе Іерусалима персами*. Впервые въ 1884 году указалъ на него графъ П. Ріанъ, а затѣмъ онъ былъ изданъ въ 1897 году въ „Revue de l'Orient latin“ и переведенъ на французскій языкъ. Къ переводу этому дѣлались поправки, переводился текстъ и на русскій языкъ проф. Мѣдниковымъ съ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ исправленій (Сообщ. Прав. Пал. Общ., 1897, 598—614), но текстъ все же въ наиболѣе существенныхъ мѣстахъ оставался загадочнымъ. Грузинскій текстъ не только разрѣшаетъ всѣ эти загадки, но даетъ значительно больше. Извѣстный арабскій текстъ оказывается небрежно составленнымъ извлеченіемъ, сокращенною версіею приблизительно одной трети исторіи, подлежащей теперь полностью въ грузинскомъ переводѣ.

Исторія эта написана, какъ теперь узнаемъ изъ грузинскаго текста, Стратикомъ, монахомъ монастыря св. Саввы. Въ грузинскихъ минеяхъ X вѣка, на Синаѣ, нами была найдена память Стратика, игумена св. Саввы, подъ 5 Мая, а память описаннаго имъ взятія Іерусалима—подъ 20 Мая. Авторъ Стратикъ—очевидецъ событія, но часть эпизодовъ, особенно происшествія въ Іерусалимѣ, онъ сообщаетъ со словъ Θомы, іерусалимскаго жителя. Трудъ Стратика состоитъ изъ трехъ частей, именно плѣненія Іерусалима, письма патріарха Захаріи къ жителямъ Іерусалима и перечня убиенныхъ въ Іерусалимѣ. Неясно, кому принадлежитъ непосредственно слѣдующая за этимъ исторія возвращенія Честнаго креста изъ плѣненія. Что сочиненіе Стратика, дѣйствительно, существовало нѣкогда на греческомъ, между прочимъ видно изъ наличности нѣкоторыхъ его частей, главнымъ образомъ письма патріарха Захаріи, на этомъ языкѣ (Migne, Patrologia graeca, LXXXVI, 2, 3227—3234).

Основнымъ источникомъ по вопросу въ послѣднее время признанъ былъ трудъ армянскаго историка Себэоса. Свѣдѣнія новооткрытаго памятника даютъ иное представленіе объ этомъ событіи, особенно о самой осадѣ Іерусалима. Еще болѣе интересъ представляетъ въ немъ перечень церквей

и наиболѣе замѣчательныхъ мѣсть въ Святомъ градѣ того времени.

Въ синайской арабской рукописи № 508 я думалъ найти какую-нибудь версію восточной легенды о хитонѣ Господнемъ, раньше прослѣженной мною по грузинскимъ, армянскимъ и сирійскимъ источникамъ (*Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ*, 1897 = *المظفرية*, стр. 67—96), но въ ней оказалась совсѣмъ иная повѣсть о хитонѣ. Я все же списалъ ее.

Даже пользуясь матеріалами и не одной нашей поѣздки, за арабскимъ вліяніемъ удастся пока признать лишь чисто литературное значеніе. Самого строя церковной жизни въ Грузіи оно, повидимому, не касалось. Совершенно особо стоятъ въ этомъ отношеніи армянское и греческое теченія. Каждое изъ нихъ даетъ содержаніе цѣлой эпохѣ, характеризуетъ извѣстный періодъ христіанской культуры въ Грузіи. Армянское и греческое теченія имѣютъ свои среднія параллели въ Арменіи въ сирійскомъ и греческомъ. Третье, столь же плодотворное теченіе въ обѣихъ странахъ—національное.

VII.

Каждый новый моментъ, въ томъ числѣ національный, не исключалъ, конечно, завѣщаннаго иностраннаго вліянія. Напротивъ, появленіе національнаго элемента лишь усилило наплывъ напр. переводовъ съ греческаго, часто по выполненію лучшихъ, и въ армянской, и въ грузинской литературѣ, но это уже были иностранные матеріалы, духъ же, искавшій ихъ и усваивавшій, былъ національный. Въ мѣстныхъ литературахъ зародилась самобытная духовная жизнь, рядомъ съ вѣроисповѣдными и церковными интересами возникли національныя, народныя задачи, работа надъ которыми дала смыслъ и направленіе новому теченію въ мѣстныхъ письменностяхъ, создала національный періодъ и армянской и грузинской литературѣ. Въ этотъ періодъ обѣ названныя литературы, еще раньше повернувшія въ разныя стороны изъ-за вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, вступили на совершенно независимые пути развитія, иногда съ враждебными по существу другъ другу національными интересами, чаще лишь съ діаметрально противоположнымъ ихъ пониманіемъ.

Кое-что нашлось новаго въ настоящую поѣздку и изъ національнаго періода армянской литературы. Была надежда напасть на утраченный трудъ Шапуха Баградуни, историка IX вѣка. Существованіе его подозрѣвалось въ одной изъ Іерусалимскихъ рукописей, въ которой, дѣйствительно, оказалось извлеченіе изъ сочиненія Шапуха, но не ожидавшагося историческаго содержанія, хотя въ заглавіи и сказано, что извлеченіе сдѣлано изъ *Исторіи* Шапуха. Извлеченіе, однако, не лишено значенія для исторіи церковныхъ порядковъ, особенно поста, въ Арменіи, и оно мною было списано. Любопытными оказались списанныя мною въ монастырѣ св. Іакова армянская версія *Житія св. Нины* и особенно *Исторія св. Креста Нины*. Послѣдняя составлена Аарономъ Ванандскимъ на основаніи армянскихъ и грузинскихъ источниковъ, какъ заявляетъ самъ авторъ. Въ числѣ неизвѣстныхъ армянскихъ источниковъ для житія Нины авторъ называетъ, и это весьма любопытно, *Исторію* Агаангела, изъ которой онъ приводитъ цѣлый пространный отрывокъ. Весьма любопытно это въ томъ отношеніи, что Ааронъ Ванандскій, очевидно, имѣлъ въ рукахъ ту армянскую версію *Исторіи* Агаангела, какою располагалъ Моисей Хоренскій. Этотъ армянскій историкъ также ссылается на Агаангела въ главѣ о Нинѣ, но такъ какъ въ дошедшемъ до насъ армянскомъ текстѣ Агаангела нѣтъ ни слова о просвѣтительницѣ Грузіи, то нѣкоторые ученые рѣшили, что Моисей Хоренскій сказалъ неправду, значить, налицо опять фактическое опроверженіе мнѣнія ученыхъ суперкритиковъ *Исторіи* Хоренскаго, будто онъ выдумывалъ источники, чтобы оправдать собственныя измышленія. Въ трудѣ Аарона Ванандскаго, кромѣ того, имѣются и интересныя историческія данныя.

Еще больше интереса представляетъ *Исторія Христовыхъ подвижниковъ Татула, Гута, Осмы и Вароса*. Исторія эта давно извѣстна и напечатана, но не въ той полной редакціи съ новыми данными, которая оказалась въ одной изъ рукописей монастыря св. Іакова въ Іерусалимѣ. Она вся списана мною. Нельзя останавливаться на всѣхъ цѣнныхъ свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ, выносимыхъ изъ чтенія этого древняго памятника. Авторъ его не можетъ быть особенно древнимъ, но онъ пользовался, несомнѣнно, весьма древними

матеріалами, до насъ не дошедшими. Въ декабрьскомъ за-
сѣданіи Восточнаго отдѣленія молодой арменистъ Н. Г.
Адонць доказывалъ, что исторія возстанія армянъ подъ гла-
венствомъ Вардана существовала въ армянской литературѣ
до Лазаря Парбскаго и Елисея, описавшихъ это событіе.
Докладчикъ предполагалъ, что Себэосъ, армянскій писатель
VII вѣка, пользовался той древней исторіей, а не позднѣй-
шими трудами Елисея или Лазаря. Такимъ путемъ объяснялъ
онъ, между прочимъ, то, что мученикъ, герой возстанія, у
Себэоса названъ Варданомъ по прозвищу Краснымъ, тогда
какъ ни у Лазаря, ни у Елисея не появляется это имя съ
эпитетомъ *Կարմիր Կարմիր* Красный. Авторъ *Житія Татула и друзей*
героя армянскаго движенія называетъ, подобно Себэосу,
Варданомъ Краснымъ (*Կարմիր Կարմիր*). Отмѣчу еще, что
въ этомъ памятникѣ приводится цитата изъ *Исторіи Моисея*
Кертгоһаһайра (*Մոսէի Բերթողահայրի*), какъ называютъ
обыкновенно *Хоренскаго*, но въ дошедшихъ до насъ ре-
дакціяхъ трудовъ Моисея Хоренскаго нѣтъ цитуемаго
мѣста.

Въ томъ же монастырѣ, въ Іерусалимѣ, было списано
мною посланіе вардапета Саркавага (XI вѣка), пользовавша-
гося дружбою грузинскаго царя Давида Строителя. Въ по-
сланіи на армянскомъ языкѣ имѣемъ отвѣтъ армянскаго
ученаго на вопросъ какого-то грузинскаго епископа каса-
тельно одного мѣста въ *Псалмахъ*. Это—рѣдкая сохранив-
шаяся страничка изъ исторіи мирнаго литературнаго обще-
нія армянъ и грузинъ на научной почвѣ въ эпоху полной
націонализированности двухъ сосѣднихъ церквей.

Однако памятниковъ національнаго періода армянской
литературы много и извѣстныхъ въ печати. Здѣсь недоста-
токъ чувствуется не столько въ матеріалахъ, сколько въ
ихъ исторически правильномъ освѣщеніи. Историческая теорія,
построенная на армянскихъ источникахъ въ дошедшихъ
до насъ редакціяхъ, является односторонней.

Конечно, прежде всего соотвѣтственное литературное те-
ченіе въ Грузіи должно было бы дать матеріалы для про-
вѣрки основныхъ положеній, для устраненія этой односто-
ронности. Но пока не установлено, что само по себѣ пред-
ставляетъ національное направленіе въ древне-грузинской
литературѣ. Наша поѣздка открыла нѣсколько новыхъ фак-

товъ и даже цѣлыхъ памятниковъ наслѣдія національнаго періода грузинской литературы.

На первомъ мѣстѣ упомяну объ открытомъ мною памятникѣ съ точною датѣю, съ описаніемъ жизни и дѣятельности грузинскаго подвижника VIII—IX вѣковъ. Это—*Житіе Григорія Хандзтійскаго*, строителя монастырей въ Кларджетин, области на юго-западной окраинѣ Грузіи. О существованіи этого *Житія* въ рукописяхъ Крестнаго монастыря, близъ Іерусалима, было извѣстно по краткому описанію Н. Чубинова, посѣтившаго Св. градъ въ 1845 году. Въ 1883 году проф. Цагарели при описаніи грузинской коллекціи св. Креста не замѣтилъ его, и можно было думать, что оно утрачено. *Житіе* оказалось въ одной изъ описанныхъ проф. Цагарели пергаменныхъ рукописей. Оно занимаетъ 146 страницъ in fol. строчнаго письма. Озаглавленъ памятникъ такъ: «Труды и подвиги преподобной жизни св. и блаженнаго отца нашего архимандрита Григорія, строителя (монастырей) Хандзты и Шатберда, а вмѣстѣ съ тѣмъ повѣствованіе о многихъ блаженныхъ отцахъ». Не такъ давно по поводу появленія драгоцѣнной Шатбердской грузинской рукописи X вѣка специалисты спорили о мѣстѣ нахождения Шатберда. Одни его хотѣли помѣстить въ Арменіи, другіе въ Грузіи. О Григоріи же Хандзтійскомъ, какъ теперь оказывается, славномъ грузинскомъ церковномъ дѣятелѣ, не было ничего извѣстно. Но въ *Житіи* много въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній и о другихъ замѣчательныхъ лицахъ, современникахъ и ученикахъ Григорія, въ томъ числѣ и извѣстныхъ іерархахъ, подвижникахъ и писателяхъ Грузіи. Мы получаемъ впервые изъ этого памятника обстоятельныя свѣдѣнія о построеніи грузинскихъ монастырей не только въ Кларджетин, но отчасти и въ Абхазіи, объ игуменахъ различныхъ обителей, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о братіяхъ, объ иноческомъ образованіи, о монастырскомъ уставѣ и вообще о различныхъ сторонахъ монашеской жизни въ Грузіи. Заглавіе подлинника слишкомъ скромно для содержанія памятника: въ немъ мы имѣемъ не житіе одного лица съ повѣстью еще о нѣкоторыхъ старцахъ, а описаніи жизни монастырей цѣлой области и ихъ выдающихся представителей. Въ памятникѣ имѣемъ весьма живо написанную исторію обителей Клард-

жетіи. Исторія написана девяносто лѣтъ спустя по смерти Григорія.

Это, оказывается, была эпоха разцвѣта въ Грузіи монашеской жизни. Григорій не только былъ проникнутъ всецѣло идеею монашества, какъ высшей формой человѣческой жизни на землѣ, но признавалъ за нимъ великое общественное значеніе и энергично отстаивалъ завоеванное имъ въ Грузіи высокое положеніе. Онъ оберегалъ независимость монашества Кларджетіи, этого грузинскаго Синая, отъ всякой посторонней власти, даже отъ власти грузинскаго католикаса. Грузинское монашество, въ рядахъ котораго подвизались и выдающіяся женщины, такъ особенно знатная Февронія, имѣло громадное вліяніе на дѣла государственныя, общественныя и семейныя. При властномъ, неустрашимомъ характерѣ Григорія, скончавшагося 102 лѣтъ въ 862 году, естественно было возникать столкновенія съ сильными міра сего, съ царями, князьями и пастырями, и реальное описаніе подобныхъ эпизодовъ представляетъ лучшій вкладъ въ исторію внутренняго быта Грузіи того времени. Есть данныя и о сношеніяхъ культурнаго характера съ Византіею и особенно Палестиною. Знаменателенъ для эпохи національный девизъ, провозглашенный въ этой исторіи грузинской монашеской жизни, развернувшейся не на центральной грузинской почвѣ. Девизъ гласитъ въ редакціи древняго автора такъ: „гдѣ церковная служба на грузинскомъ языкѣ, тамъ Грузія“.

На Синаѣ были открыты И. А. Джаваховымъ пѣснопѣнія грузинскаго церковнаго писателя Іоанча Минчхи, всего 27 большихъ и малыхъ пѣснопѣній, среди нихъ одно весьма пространное восхваленіе. Оно написано авторомъ, какъ объ этомъ сказано въ заглавіи, въ честь великомученика Георгія Побѣдоносца по порученію грузинскаго царя Георгія. Нѣсколько его стихотвореній оказались внесенными въ сборникъ пѣснопѣній X вѣка изъ Шатберда. Минчха, неизвѣстный доселѣ древне-грузинскій поэтъ, писатель не позднѣе первой половины X вѣка. Пѣснопѣнія Минчхи отличаются субъективнымъ настроеніемъ, искренностью и простотою изложенія, безъ всякой витіеватости. Всѣ сочиненія Іоанча Минчхи списаны И. А. Джаваховымъ.

Были, оказывается, въ древности и другіе духовные поэты.

И. А. Джаваховъ нашелъ въ одной Синайской рукописи X вѣка (№ 34) стихотвореніе какого-то монаха Георгія, мнѣ попалось въ двухъ рукописяхъ, X в. и болѣе поздняго времени, стихотвореніе неизвѣстнаго Филиппа. Интересъ этихъ стихотвореній значительный, хотя и специальный. Года три тому назадъ мною доказывалось, что „заслуга выработки (грузинскаго) литературнаго языка неоспоримо принадлежитъ духовнымъ писателямъ, предшествовавшимъ XII вѣку“ (*Разцѣтъ древне-грузинской свѣтской литературы*, стр. 228), и что свѣтскіе писатели унаслѣдовали совершенную и выработанную прозу отъ духовныхъ. Теперь же узнаемъ, что и стихотворная форма свѣтскою поэзіею была унаслѣдована отъ духовной. Два помянутыхъ духовныхъ стихотворенія, извѣстныя изъ рукописей X вѣка, писаны риемою и шестнадцатисложнымъ силлабо-тоническимъ размѣромъ. Размѣръ этотъ въ Грузіи до сихъ поръ былъ извѣстенъ лишь съ конца XII вѣка изъ изящныхъ стиховъ свѣтскаго поэта Шоты Руставели.

Разъ было внесено національное самосознаніе въ церковную жизнь, то въ литературѣ оно сказывалось не только въ сочиненіи божьихъ и оригинальныхъ произведеній, но и въ своеобразной работѣ въ новомъ и независимомъ духѣ надъ текстами, древними или вновь переводимыми.

Интересныя наблюденія дали возможность сдѣлать въ этомъ отношеніи грузинскій текстъ пѣснопѣній въ честь Григорія Просвѣтителя, а также Рипсиміи и подругъ, списанный мною на Синаѣ. Тотъ же текстъ сохраненъ въ грузинскомъ сборникѣ древнихъ и новыхъ пѣснопѣній изъ Шатберда, дошедшемъ до насъ въ рукописи X вѣка, но въ „исправленномъ“ видѣ: такъ, въ немъ опущено мѣсто, въ которомъ Грузія называется паствою Григорія, равно нѣтъ уже стиховъ о „незыблемости дѣла Григорія Просвѣтителя“, вмѣсто армянскаго имени подруги Рипсиміи, Шолакаты, подставлено грузинское слово *ძეგუბი*, означающее „подруга“, замѣненъ эпитетъ Рипсиміи „безпорочная“ (*უბოვო*) болѣе скромнымъ „преподобная“ (*გობი*) и т. д. Всѣ эти архаизмы и арменизмы имѣются въ грузинскомъ текстѣ по синайскимъ рукописямъ.

На Синаѣ нашелъ И. А. Джаваховъ и списалъ интересное синаксарное *Житіе св. Нины*. Въ немъ оказалась одна

до сихъ поръ совершенно неизвѣстная подробность о томъ, что Нина претерпѣла много мученій отъ царя Миріана. Памятникъ, кромѣ того, интересенъ съ точки зрѣнія націоналистической традиціи грузинской церкви.

Житіе Нины, судя по всему, въ Грузіи было извѣстно раньше національнаго періода. На это между прочимъ указываютъ пережитки армяно-грузинскаго единенія самой древней поры въ одномъ пространномъ пѣснопѣніи въ честь просвѣтительницы Грузіи, списанномъ мною на Синаѣ (рп. № 59). Грузія въ этомъ пѣснопѣніи провозглашается удѣломъ апостола Варѣоломея. И такъ Грузія—не „удѣлъ Богоматери“ или „апостола Андрея“, во что она производится въ поздній національный періодъ, и не „паства Григорія“, возникающая въ литературѣ въ болѣе ранній періодъ совмѣстнаго сближенія армяно-грузинской церкви съ греческою, а удѣлъ апостола Варѣоломея, котораго мы знаемъ по армянскимъ и сирійскимъ источникамъ въ числѣ первыхъ просвѣтителей Арменіи, въ которомъ надо видѣть символъ насажденной сирійцами армяно-грузинской церкви древнѣйшей поры.

Переводя что-либо съ греческаго впервые, въ болѣе раннюю часть этого національнаго періода переводчики принаравливали текстъ ко взглядамъ своей церкви, сильной еще древними преданіями, или пополняли однородными завѣщанными матеріалами. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ открытый на Синаѣ И. А. Джаваховымъ церковный календарь, самъ по себѣ замѣчательный памятникъ. Онъ составленъ на Синаѣ извѣстнымъ грузинскимъ писателемъ Іоанномъ въ X вѣкѣ по четыремъ церковнымъ преданіямъ. По словамъ самого автора, онъ пользовался общеканоническимъ спискомъ праздниковъ, саввинскимъ, іерусалимскимъ и греческимъ или, вѣрнѣе, византійскимъ. Но изъ памятника видно, что при составленіи своего труда онъ пользовался и грузинскимъ календаремъ, такъ какъ у него упоминаются и грузинскіе святые. Въ памятникѣ постоянно указывается, когда полагается ночное бдѣніе, когда вечерня, когда литургія согласно саввинской практикѣ. Календарь цѣненъ во многихъ отношеніяхъ, но особенно онъ важенъ для изученія литургической практики различныхъ монастырей Палестины, видимо имѣвшихъ много

исключительныхъ особенностей. Кромѣ того, въ немъ содержатся свѣдѣнія объ игуменахъ и ктиторахъ монастырей, ихъ мѣстоположеніи и исторіи. Для топографіи Палестины въ немъ не мало данныхъ. Календарь Іоанна послѣ *Calendarium antiquissimum ecclesiae Karthaginensis* и календаря Usuard'a, составленнаго въ 875 году, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ въ этой области. Это выдающееся произведеніе списано цѣликомъ И. А. Джаваховымъ.

Найденный И. А. Джаваховымъ въ рукописи X вѣка на Синаѣ (№ 34) списокъ каноническихъ книгъ Ветхаго и Новаго заветовъ съ стихотрическими приписками составленъ, надо полагать, въ согласіи съ преданіями древней грузинской церкви и представляетъ въ этомъ отношеніи интересъ, независимо отъ его значенія вообще для вопроса о канонѣ. Этотъ памятникъ списанъ И. А. Джаваховымъ.

Любопытный способъ работы въ національномъ духѣ изображаетъ обстоятельная записъ, выписанная мною изъ синайской рукописи (№ 70) *Пѣснопѣній* св. Андрея, Критскаго архіепископа, въ грузинскомъ переводѣ конца XI вѣка. Записъ принадлежитъ монаху Арсенію, какъ оказывается по его словамъ, въ третій разъ переведшему *Пѣснопѣнія* Андрея Критскаго. Ни первый переводъ Евѳимія, ни второй — Георгія не были удовлетворительны по точности, и потому царь Давидъ Строитель приказалъ Арсенію перевести текстъ безъ измѣненія, а „пастырю пастырей католикосу Іоанну, главѣ мастеровъ духовнаго пѣнія“ — положить на гласы, такъ какъ пѣсни тѣ (греческія) были чужды грузинамъ.

Излишне указывать, какое важное свидѣтельство мы получаемъ въ данномъ случаѣ отъ Арсенія о самобытности грузинскаго церковнаго пѣнія въ XI вѣкѣ, если вспомнимъ теорію, выставленную недавно о греческомъ его происхожденіи.

VIII.

Всѣ обследованные или собранные въ настоящую поѣздку источники были представлены мною съ точки зрѣнія интересовъ армяно-грузинской филологіи. Едва ли нужно прибавлять, что перечисленные памятники нерѣдко содержатъ въ большихъ, чѣмъ мною было указано, размѣрахъ чисто историческіе матеріалы, особенно касательно Св. земли.

Заинтересованные ученые легче насъ подмѣтять подобныя данныя и лучше оцѣнять ихъ, когда они поступаютъ въ обращеніе провѣренными въ предѣлахъ нашей компетенціи въ описанія рукописей и переводахъ текстовъ.

Но историческіе матеріалы, касающіеся армянъ и грузинъ, занимали насъ специально. Ожидалось приращеніе матеріаловъ для исторіи армянскихъ и грузинскихъ монастырей въ Св. землѣ.

Было, конечно, трудно дополнить какими-нибудь новыми данными изъ іерусалимскихъ рукописей подробную исторію армянъ въ Іерусалимѣ, добросовѣстно составленную свѣдущимъ членомъ монастыря св. Іакова. Въ бібліотекѣ названнаго монастыря, насколько пока она обследована описывающимъ ее преосвященнымъ Саакомъ, не существуетъ особенно древнихъ рукописей, писанныхъ на мѣстѣ. Я выписалъ записи изъ двухъ наличныхъ древнѣйшихъ рукописей, писавшихся въ Киликіи для монастыря св. Іакова въ Іерусалимѣ: одна изъ нихъ 1818 года, другая—1821. Загадкою остается, что въ богатомъ собраніи армянскихъ рукописей монастыря св. Іакова нѣтъ такихъ древнихъ списковъ, какіе сохранились въ грузинскихъ коллекціяхъ Св. земли. Древнѣйшею считается одна рукопись 1199 года. Рукописи, написанной въ самомъ Іерусалимѣ, и такой древности нѣтъ на мѣстѣ. Между тѣмъ, судя по открытымъ въ Іерусалимѣ мозаикамъ съ армянскими надписями, армяне были въ Св. градѣ съ VII вѣка, если не раньше, какъ то говорятъ другіе источники.

Болѣе понятнымъ оказывается новый видъ древнихъ построекъ, находящихся въ рукахъ армянъ. Перестройки древнихъ зданій въ недавнее сравнительно еще время велись безъ особаго вниманія къ старинѣ. Въ этомъ смыслѣ интересъ представляетъ извлеченная мною изъ одной армянской рукописи обстоятельная записка писца и маляра-архитектора начала XVIII вѣка о всѣхъ сдѣланныхъ имъ работахъ въ Іерусалимѣ не только въ армянскихъ, но и въ коптскихъ, греческихъ и др. владѣніяхъ. Характерно слѣдующее замѣчаніе маляра-архитектора относительно работъ въ армянскихъ владѣніяхъ: „обстраивали мы новыя мѣста и реставрировали постройки древнихъ. Смѣю сказать, что не осталось и пяди пространства, которой не коснулись бы руки и

пальцы каменщиковъ и искусныхъ маляровъ, и это какъ въ оградѣ монастыря св. Іакова, такъ и въ обителяхъ внѣ ея.

Показались мнѣ интересными также двѣ записки начала XVIII вѣка съ подробностями о положеніи армянъ въ это время и столкновеніяхъ или перемиріяхъ ихъ съ греками. Изъ нихъ я сдѣлалъ нѣсколько болѣе или менѣе существенныхъ извлеченій. Кромѣ того, въ монастырѣ св. Іакова списать полностью изданную, но лишь по эчмиадзинскимъ спискамъ, легендарную *Исторію св. конья и другихъ вещей Христа* и въ извлеченіяхъ известное изъ армянскихъ историковъ *Сказаніе Іоанна Гарнійскаго* (XIII в.) съ рассказомъ о путешествіи на Синай и различными видѣніями.

Для исторіи дѣятельности грузинъ въ Палестинѣ, на Синаѣ и отчасти въ Сиріи за настоящую поѣздку набралось значительно больше новыхъ матеріаловъ, несмотря на то, что въ Іерусалимѣ я успѣлъ осмотрѣть лишь треть, даже менѣе трети наличныхъ грузинскихъ рукописей патріаршей бібліотеки. Я ограничусь указаніемъ основныхъ источниковъ по этому вопросу.

Весьма разнообразный и живой матеріалъ дали собранныя нами записи и приписки грузинскихъ рукописей. Изъ нихъ мы узнаемъ много новаго о десяткахъ монастырей и церквей, принадлежавшихъ грузинамъ не только въ Палестинѣ и на Синаѣ, но и въ Сиріи, въ окрестностяхъ Антіохіи, гдѣ въ числѣ другихъ существовать, оказывается, грузинскій монастырь св. Варлаама.

Тамъ же находятся свѣдѣнія о грузинскихъ монастырскихъ книгохранилищахъ. Изъ одной записи видно (Син. № 77), что на Синаѣ была у грузинъ бібліотечная комната, гдѣ книги были разставлены на полкахъ; выносить ихъ изъ отведеннаго помѣщенія въ келью или церковный придѣлъ не дозволялось подь страхомъ проклятія. Желавшіе пользоваться книгами должны были читать ихъ въ бібліотекѣ и по прочтеніи ставить на полки. Но, кромѣ этой фундаментальной бібліотеки, имѣлись частныя или келейныя; такъ, изъ другой записи (Син. № 67) узнаемъ, что на Синаѣ существовала частная пещерная бібліотека для пользованія отшельниковъ, жившихъ въ грузинской пещерѣ св. Кирика (рп. № 67, зап. 3). Имѣлся и каталогъ. Въ одной изъ бумажныхъ грузинскихъ рукописей (Син. № 92) монастыря св. Екатерины замѣченъ

былъ мною пергаменный листъ, палимисестъ. Нижній текстъ X вѣка оказался фрагментомъ монастырскаго каталога. Въ этомъ отрывкѣ каталога поименованы 22 названія, часто каждое сочиненіе въ двухъ и болѣе, до шести, экземплярахъ, всего 52 тома. Въ перечнѣ упомянуто историческое сочиненіе—*Обращеніе Грузин*.

Записи даютъ массу матеріала о книжномъ дѣлѣ и обо всемъ, относящемся къ нему. Отмѣчу любопытную черту—участіе женщинъ въ этомъ дѣлѣ; напр. изъ одной и по содержанию интересной рукописи (Иер. № 26) узнаемъ, что писецъ Василій, воспитанникъ сестеръ одного грузинскаго монастыря, писалъ ее на средства воспитавшихъ его монахинь со списка, сдѣланнаго Екатериною, дочерью Штроя. Вообще роль женщинъ въ исторіи грузинъ въ Палестинѣ — значительная.

Въ записяхъ и припискахъ находимъ имена должностныхъ лицъ, игуменовъ, дикеевъ и т. п. изъ грузинъ въ монастыряхъ Св. земли, иногда перечень братіи той или другой обители и т. п. Нѣсколько грузинскихъ и особенно арабскихъ записей въ грузинскихъ рукописяхъ Синая даютъ свѣдѣнія о времени упадка грузинскаго вліянія въ монастырѣ св. Екатерины. Въ эту пору замѣчается господство арабскаго языка въ монастырѣ. Къ самому концу существованія грузинскихъ монаховъ на Синаѣ относится запись одной синайской рукописи (№ 74). Въ ней сказано, что грузинскіе монахи зарываютъ въ такомъ-то мѣстѣ винные кувшины, котлы и вообще хозяйственный инвентарь монастыря и пишутъ объ этомъ для того, чтобы, если кто-нибудь изъ грузинъ прибылъ, то зналъ, гдѣ все это находится.

Въ тѣхъ же записяхъ и припискахъ встрѣчаемъ данныя о вкладкахъ, жертвователяхъ, такъ напр. изъ записи синайской рукописи № 91 выясняется не только мѣсто грузинскаго каппаѣскаго монастыря—въ Каппаѣвахъ, части Иерусалима, но и то, что онъ былъ построенъ грузинскими царицами Марѳою и Бореною во имя Архангеловъ.

Но съ записями о благотворителяхъ грузинскихъ церквей въ Св. землѣ мы переходимъ къ другому рода источнику. Это—синодики, перечни жертвователей.

О существованіи синайскаго синодика было извѣстно изъ описанія проф. Цагарели, который далъ изъ него небольшое

извлечение. И. А. Джаваховъ списалъ его полностью. Въ трудѣ этомъ имѣемъ сводъ разновремененно возникшихъ группъ памяти, и кромѣ того, въ немъ много приписокъ различными почерками. Это—матеріалъ для исторіи паломничества грузинъ на Синай и списокъ лицъ, покровительствовавшихъ и оказывавшихъ помощь монастырю. Въ перечнѣ названы грузинскіе цари и царицы, государственные сановники и много частныхъ лицъ.

Иерусалимскіе синодики были открыты мною въ настоящую поѣздку. Повидимому, всѣ они Крестнаго монастыря.

Наиболѣе поздній памятникъ этого рода писанъ на греческомъ языкѣ. Это книжка записей Крестнаго монастыря. Въ этой книжкѣ имѣется перечень вкладчиковъ и на грузинскомъ языкѣ, особо кахетинцевъ и особо имеретинъ. Грузинскую часть я рѣшилъ списать, но не успѣлъ дописать списка кахетинскихъ благотворителей. Кромѣ именъ, въ книжкѣ имѣются интересныя данныя, между прочимъ біографическія, о нѣкоторыхъ монахахъ Крестнаго монастыря. Они всѣ списаны. Древнѣйшихъ синодиковъ грузинскихъ монастырей Св. земли я не имѣлъ случая найти. Но попалъ я на нѣкоторые слѣды погубленныхъ синодиковъ. Они оказались изрѣзанными для заклепки изветшалыхъ листовъ древнихъ рукописей. Изъ подобныхъ наклеекъ одной грузинской рукописи патріаршей бібліотеки (№ 27) удалось написать нѣсколько интересныхъ памятей.

Въ высшей степени содержательнымъ представляется среди памятниковъ этого рода открытый при содѣйствіи бібліотекаря о. Клеопы *Синодикъ Крестнаго монастыря*.

Сначала найденъ былъ мною конецъ рукописи съ этимъ *Синодикомъ* въ ящикѣ съ разрозненными пергаменными листами въ патріаршей бібліотекѣ. Узнавъ о значеніи находки, о. Клеона поспѣшилъ навести справки въ Крестномъ монастырѣ, откуда онъ доставилъ всѣ оставшіеся еще тамъ фрагменты грузинскихъ рукописей. Среди нихъ оказалась недостававшая часть *Синодика Крестнаго монастыря* почти полностью. Крестный монастырь не относится къ особенно древнимъ грузинскимъ постройкамъ въ Иерусалимѣ. Монастырь св. Креста построенъ грузинами въ XI-мъ вѣкѣ. Новооткрытый *Синодикъ* представляетъ приписки на поляхъ монастырскаго синаксарія, и эти приписки велись не съ

первыхъ дней основанія монастыря, — большинство ихъ относится ко времени послѣ XII в. Приписки эти, обыкновенно обстоятельныя, открываютъ намъ не только имена поминаемыхъ лицъ, но и заслуги ихъ передъ церковью. Въ *Синодикѣ* свыше трехсотъ памятей. Громадное большинство жертвователей — грузинскіе цари и царицы, высшіе іерархи грузинскіе и абхазскіе, сановники, князья и княгини, члены историческихъ родовъ, духовные писатели и вообще выдающіеся церковные и политическіе дѣятели и часто дѣятельницы Грузіи. Имена многихъ изъ нихъ узнаемъ впервые изъ этого *Синодика*. Пожертвованія стекались обильно. Вклады, особенно крупныя, не перечисляются въ *Синодикѣ*: для нихъ были особыя дарственныя грамоты. Въ *Синодикѣ* есть на нихъ ссылка. Мелкія даянія также не отмѣчались въ этомъ *Синодикѣ*. Мелкіе жертвователи поминались въ общіе дни. По наличному перечню узнаемъ, что въ Крестный монастырь жертвовали и недвижимое имущество въ самой Палестинѣ, именно земли, пашни, сады виноградныя, рощу смоковницъ, мельницы, дворы, дома, лавки. Эти владѣнія грузинскаго монастыря находились частью въ Іерусалимѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, частью въ другихъ мѣстахъ Св. земли, какъ напр. Кайфѣ, Рамлѣ, гдѣ грузины владѣли, между прочимъ, полученнымъ ими въ даръ страннопріимнымъ домомъ. Я уже не говорю о постройкахъ или реставраціяхъ въ самомъ Іерусалимѣ. Приведу одинъ примѣръ изъ памяти 6 декабря, въ которой читаемъ, что Кайхосро Цулукидзе построилъ близъ гроба Господня церковь св. Николая съ шестьюдесятью сводчатыми комнатами, изъ камня и извести, разбилъ виноградникъ св. Николая и выкупилъ другой виноградный садъ. Въ числѣ пожертвованій упоминаются рукописи, церковная утварь, облаченіе, масло, вино, а также мулъ и даже рабъ (отрокъ). Жертвовали и наличными. Смотря по эпохѣ, названія денегъ различны. Всего можно было подсчитать, удерживая грузинскія названія, „дракановъ“ 10,147, „драмъ“ 26,200, въ томъ числѣ 1,000 султанскихъ, „тетровъ“ (бѣлыхъ) 62,500, золота (краснаго) на 10,000 серебра (бѣлаго), флориновъ (ფლორინი) 2,181, венеціанскихъ флориновъ 520, „мисхалей“ 2,450, дукатовъ 930, „соматъ“ 127, „марчиль“ 700, „п'уловъ“ 120 и „данговъ“ 10.

Изъ данныхъ этого *Синодика* между прочимъ выясняется

автономія грузинскихъ монастырей Иерусалима по отноше-
 ню къ греческому патріарху и сосредоточеніе ихъ пред-
 ставительства въ позднѣйшее время въ рукахъ братіи
 Крестнаго монастыря.

Третьяго рода источникъ по формѣ тождествененъ съ
 описаннымъ *Синодикомъ Крестнаго монастыря*. Здѣсь также
 имѣемъ дѣло съ приписками новыхъ Памятей въ *Синакса-
 рии*. Но это памяти канонизованныхъ за подвиги лицъ, на-
 ціональныхъ святыхъ. Одинъ такого рода памятникъ ока-
 зался въ Иерусалимской рукописи № 104, откуда и была
 выписана мною вся національная часть. Въ ней нѣсколько
 рѣдкихъ, иногда совершенно новыхъ историческихъ свѣдѣ-
 ній, какъ напр. память о святыхъ отцахъ Михаилѣ и Арсе-
 нии, построившихъ монастырь Олимпа и перенесшихъ муро-
 вареніе (ძობა და აღმშენებლობა ὁσίου ἁγίου Ὀλิมპίου) изъ Иерусалима въ
 Мцхету.

Въ *Синаксарии* съ синодикомъ оказались внесенными не
 только памяти, но и рѣдкія или неизвѣстныя житія гру-
 зинскихъ святыхъ, именно Прохора, строителя Крестнаго
 монастыря, и Николая Двали и Луки, подвижавшихся въ
 Св. землѣ и замученныхъ при арабахъ. Они также списаны
 мною.

Особымъ источникомъ являются надписи. Этого рода
 памятниками пришлось заниматься мало, но все же выясни-
 лось, что грузинскихъ надписей въ Иерусалимѣ, особенно
 на облаченіяхъ святогробской ризницы, имѣется больше,
 чѣмъ можно было думать по работѣ проф. Цагарели. Спи-
 саны были мною также не замѣченныя раньше надписи иконъ
 въ монастырѣ св. Креста, гдѣ, однако, оказались замазанными
 нѣсколько грузинскихъ изображеній и надписей, которыя
 видѣлъ и, къ счастью, успѣлъ списать проф. Цагарели. Най-
 дена была утварь съ грузинскою надписью, одинъ дискосъ
 съ греческою и грузинскою надписями Шошита Эристова въ
 Вилеємѣ. Встрѣчались иконы съ грузинскими надписями
 въ Иерусалимѣ и въ другихъ мѣстахъ. Что касается Синая,
 то внѣ ризницы монастыря св. Екатерины удалось напасть
 лишь на одну икону съ изображеніемъ трехъ грузинскихъ
 святогорцевъ въ нижнемъ ряду. Она сфотографирована,
 какъ сфотографированъ и остатокъ фресковаго изображенія
 св. Георгія на стѣнѣ, оставшейся отъ разрушенной церкви

имени этого святого, повидимому, той, которая принадлежала на Синаѣ грузинамъ.

Наконецъ, яркій свѣтъ бросаетъ на положеніе грузинъ въ Св. землѣ вообще составъ монастырскихъ библіотекъ: такъ напр. становится безспорнымъ фактомъ, что грузины не только служили свободно въ Св. землѣ, между прочимъ у самаго Гроба Господня, на родномъ языкѣ, чѣмъ и объясняется поразительная полнота богослужебныхъ книгъ и обиліе экземпляровъ отдѣльныхъ названій, служили по правиламъ и своеобразнымъ текстамъ, не всегда тождественнымъ съ греческими, съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ на грузинскій ладъ,—но и молились, какъ члены національной грузинской церкви по девизу Григорія Хандзтійскаго: „гдѣ служба на грузинскомъ языкѣ, тамъ Грузія“. Въ палестинскихъ служебникахъ грузинъ находимъ моленія о дарованіи „побѣды“ грузинскимъ царямъ (Син. № 77), о благоденствіи Грузіи. Любопытна сама форма этого моленія въ синайской рукописи № 54:

„О мирѣ Грузіи, упрядоченіи ея границъ, умиротвореніи царей ея и князей, отраженіи враговъ, возвращеніи плѣнныхъ, спокойствіи временъ, утвержденіи христіанства Господу помолимся!“

Однако не однѣ богослужебныя книги украшали полки грузинскихъ монастырскихъ библіотекъ, общихъ и келейныхъ, въ Св. землѣ. Вся христіанская литература богато была представлена въ этихъ книгохранилищахъ, особенно въ древнее время. Цитованный выше Ефремъ Младшій, грузинскій писатель XI-го вѣка, увлекается въ своемъ пристрастіи къ греческимъ подлинникамъ, когда онъ соглашается выдать аттестатъ зрѣлости грузинамъ, лишь современнымъ ему. Можно смотрѣть лишь какъ на догадку на его мнѣніе, что Евѣимій Святгорецъ переводилъ съ измѣненіями греческіе тексты будто въ виду незрѣлости грузинскаго общества. И этой догадкѣ можно противопоставить другую, которая находитъ оправданіе даже въ немногихъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятникахъ грузинской литературы. Ни Евѣимій Святгорецъ, ни Георгій не рѣшались точно переводить съ греческаго,—свои новые переводы они согласовали съ древними, такъ какъ въ ихъ время древне-грузинская церковь еще жила своими преданіями и ко всякому греческому

новшеству относилась съ чуткимъ разборомъ. Во всякомъ случаѣ на лицо знаменательный фактъ. Въ Иерусалимѣ открытъ памятникъ, свидѣтель разцвѣта просвѣщенной монашеской жизни въ Грузіи VIII—IX вѣка, почти за двѣсти лѣтъ до святогорскихъ переводчиковъ Евеимія и Георгія, притомъ на пустынной въ то время окраинѣ Грузіи, а на Синаѣ въ рукописи 864 года оказывается обширная хрестоматія, составленная въ Палестинѣ въ монастырѣ св. Саввы, изъ готовыхъ, часто тогда уже древнихъ, грузинскихъ переводовъ образцовымъ литературнымъ языкомъ. Въ этой одной хрестоматіи, къ сожалѣнію дефектной, сохранились пятьдесятъ два памятника христіанской литературы, житій, отеческихъ твореній, проповѣдей, легендъ и т. п. Нѣтъ, ученый Ефремъ ошибался. Весь блескъ его эпохи, блескъ не только литературный, но политическій Грузіи, Грузіи Давида Строителя, есть результатъ медленной, но основательной культурной работы многихъ предшествовавшихъ поколѣній. Эти древнія поколѣнія создали въ Св. землѣ и на Синаѣ грузинскія обители, центры просвѣщенной подвижнической жизни въ національномъ духѣ, опираясь главнымъ образомъ на нравственные силы народа, на религіозное чувство свое и своихъ единовѣрныхъ соплеменниковъ.

Съ укрѣпленіемъ грузинскаго царства въ XI—XII вѣкахъ на помощь грузинскимъ монастырямъ подоспѣла помощь національныхъ царей путемъ не только богатыхъ вкладовъ, но и политическаго вліянія. Престижъ военнаго государства Грузія сохраняла еще долго послѣ эпохи Тамары, и на эту силу стало съ успѣхомъ опираться грузинское монашество Св. земли позднѣе, въ болѣе тяжелые годы. Цѣнное въ этомъ отношеніи свѣдѣніе сохранила армянская записка объ епископѣ Мартиросѣ, полностью списанная мною изъ одной Иерусалимской рукописи. Грузины вытѣснили армянъ съ Голговы въ началѣ XV-го вѣка. Епископъ Мартиросъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Египетъ, истратилъ массу денегъ на подарки египетскимъ сановникамъ, но ничего не вышло. Его же друзья при египетскомъ дворѣ посовѣтовали ему проститься съ Голговою, не тягаться съ грузинами, такъ какъ за ними стоитъ царь, который кромѣ денегъ обѣщаль посылать слугъ ежегодно и не притѣснять мусульманъ въ предѣлахъ своего царства.

На отношенія мусульманъ, въ частности египетскихъ мамлуковъ къ грузинамъ могли бы бросить свѣтъ арабскіе документы, хранящіеся въ архивѣ православной патріархіи въ Иерусалимѣ. Ихъ не мало. Но мнѣ удалось воспользоваться содержаніемъ лишь двухъ. Интересны оба. Изъ одного узнаемъ, что для безопасности грузинскихъ паломниковъ при грузинскомъ Крестномъ монастырѣ находился особый чиновникъ, всегда изъ одной арабской семьи, который встрѣчалъ богомольцевъ въ Алеппо и сопровождалъ ихъ въ Иерусалимъ и обратно въ Алеппо.

Итакъ, мы поѣхали на Синаѣ и въ Иерусалимъ за сырыми матеріалами, чтобы разрѣшить нѣкоторыя свои сомнѣнія. Но матеріаловъ, матеріаловъ захватывающаго интереса, оказалось такое обиліе, что они подчинили насъ себѣ и въ свою очередь сами поставили намъ рядъ новыхъ животрепещущихъ вопросовъ по исторіи христіанства въ древней Грузіи и Арменіи и по культурному взаимодействию названныхъ сосѣдокъ не только между собою, но также съ прочими народами Передней Азіи, преимущественно христіанскими. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ облегчилось бы въ значительной степени, если бы удалось описать грузинскія рукописи Иерусалима и Аѳона съ такою полнотою, какъ теперь описано синайское собраніе. На это предпріятіе я смотрю, какъ на ближайшую задачу, не только потому, что оно обѣщаетъ хорошую добычу, и безъ него наше дѣло есть лишь полдѣла, даже менѣе того, но и потому, что время не терпитъ. Опытъ показалъ, что каждый годъ обезцѣниваетъ эти сокровищницы.

Н. Марръ.

პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა

R 1.017.552/3 0

